

18+ Елена Воздвиженская

**РУСАЛЬЯ
НЕДЕЛЯ**

Елена Воздвиженская

Русалья неделя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65903445

ISBN 9785005507723

Аннотация

На русальей неделе, говорят старики, дивные дела творятся – приходят на землю те, кого уж нет давно, чтобы с живыми повидаться, русалки по белому свету гуляют, девушки венки плетут да на суженых ворожат, а женщины силу собирают, чтобы дом свой и семью оберегать от людей злых да завистливых. А вечерами, у костра, рассказывают люди побасенки да дивные истории, от которых сердце замирает. Послушайте и вы их, коль желаете. А было то или нет, сами решайте.

Содержание

Рассказы о мертвецах	5
Живая гора	17
Олёнка и Водяной	24
Как к художнику чёрт приходил	32
Жених из озера	43
В тихом омуте	52
Пока горит свеча	58
Клоун	69
Глазливая	83
Проклятие цыганской усадьбы	94
Зеркало	109
Страшная сказка	119
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Русалья неделя

Елена Воздвиженская

© Елена Воздвиженская, 2021

ISBN 978-5-0055-0772-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы о мертвецах

В избе было тепло и тихо, уютно светила керосиновая лампа и слышалось жужжание веретена, бабушка пряла пряжу. Внучата Алёшка и Максимка забрались на жарко натопленную печь, и молча следили оттуда за бабушкиной работой, поклевывая носом. Бабушкины пальцы ловко и быстро крутили певучее веретено, и тонкая, ровная нить ладно вилась, наматываясь в кругленький, аккуратный клубочек. За окном мело, выюга завывала в печной трубе, и билась в стены избы, и оттого казалось, будто кто-то большой ходит там, снаружи, охает и стучит – просится в избу.

– Бабуль, а расскажи про страшное? – попросил Алёшка.

– Да, расскажи, бабуль! – поддакнул младшенький Максимка.

– Всё бы вам про страшное слушать, – отозвалась бабушка, – Потом бояться станете, родители отругают меня, мол, чего старая мелешь, детей пугаешь.

– Бабуль, да ты что! – возмутились мальчишки, – Мы тебя ни за что не выдадим! И мы уже большие!

Бабушка улыбнулась, глянув добрыми своими голубыми глазами на печь, где лежали внуки. Задумалась. А после неторопливо повела рассказ...

– Было раз вот что. Ехал мужик один домой. Зима была, вот как у нас сейчас. А зимой, знамо дело, темнеет рано. Вот едет мужик на своей лошадке, смеркаться стало. Месяц молодой, рогатый, до того ярко в небе светит, что хоть книгу читай. Да мужик неграмотный был, из простых крестьян, ему и то радостно, что дорога светла!

Мороз такой, что ели в лесу трещат-потрескивают. Снег под санями хрустит. Дорога ровная, скатертью стелется. Наезженный путь-то был. Да тут волки вышли из лесу. Лошадь и понесла. Мужик в сани упал, голову руками прикрыл, свернулся-съежился, а лошадь несёт да несёт, только ветер в ушах свистит. Одно в голове у мужика – волки не съедят, так об дерево расшибемся.

И вдруг встала лошадка. Так внезапно, что мужик аж из саней вылетел. Подскочил он, вылез из сугроба, отряхнулся, огляделся. Волков не видать. И то слава Богу. Лошадь осмотрел – цела. Сам тоже вроде жив-невредим. Неужели ушли?! Обрадовался мужик, аж свистнул во всю мощь от радости. И тут слышит голос:

– Не свисти, денег не будет!

Перепугался мужик, кто в такой глуши может разговаривать? Обернулся и видит, стоит старуха перед ним. Вся в белом.

Выдохнул мужик:

– Ты чего это, бабушка, людей пугаешь? И что тут делаешь в такой час одна?

– Живу я здесь, – отвечает старуха, – Идём в гости ко мне, заночуешь, а с утра уж домой тронешь.

– Не, – отвечает мужик, – Мне домой надобно. У меня же на там одна на сносях. Мало ли чего. Ты мне лучше подскажи, бабушка, как мне теперь на дорогу обратно выбратся.

– Не попадёшь ты сейчас на дорогу, – отвечает старуха, – До рассвета нельзя.

Стоит мужик, голову чешет, ничего не поймёт.

– Отчего же нельзя-то? – спрашивает он у старухи.

– Оттого, милоч, что в *иное* ты место заехал, куда живым ходу нет.

Совсем оторопел мужик, ничего в толк не возьмёт.

– Как же я-то сюда попал?

– А ты попал потому, что я так устроила. Волки те неспроста за лошадкой твоей погнались.

– А на что это?

– Беда тебя впереди ждала, милоч. Впереди на дороге разбойники стояли, путника одинокого поджидали. А у тебя деньги за пазухой. Убили бы они тебя.

– А ты откуда про деньги знаешь? – дивится мужик.

– Всё тебе скажи! Айда лучше в избу, мороз-то какой, чай, озяб уж.

А мужик и вправду замёрз так, что мочи нет.

– Ну пойдём, – отвечает, – Да далёко ли идти-то?

– Недалёко, – говорит старуха.

Повёл мужик лошадку под уздцы вслед за старухой. Идёт, а сам дивится, странная бабка, одна в лесу живёт, про иной мир какой-то бормочет, про деньги мои знает, да и одета в белом, что за наряд такой! А ну как наоборот, к разбойникам и приведёт его?

Остановился мужик.

– Нет, – говорит, – Не пойду я с тобой. А ну как ты меня обмануть хочешь?

Вздохнула старуха, головой покачала.

– Деньги мне твои не сдались, а вот то, что поминаешь меня всякий раз в воскресенье, когда на службу идёшь, за то тебе спасибо! Вот потому и пришла я к тебе на помощь, да от разбойников отвела.

– Да кто же ты, бабушка?!

– Прабабка я твоя, Устинья.

Так и сел тут мужик в сугроб.

– Поминаю, это так, – еле вымолвил он, – Так ведь померла ты сколь лет назад.

– У Бога все живы, – ответила тихо старушка, – Идём уж, ничего я тебе не сделаю.

И вот пришли они к невысоконькой избушке. В окошке единственном свет теплится. А рядом с избой и хлев махонь-

кий. Завёл мужик лошадку в стойло, сена ей задал. Сам дивится.

Пошли они с бабкой в избушку. Там светло, тепло, обед в печи стоит. Достала бабка чугунок с картошкой, крынку молока, луковицу, краюху хлеба, накормила мужика.

– Ложись, – говорит, – Спи теперь.

– Ни за что не усну, – думает мужик. Но лишь только он лёг на лавку, тут же и сон глубокий его сморил.

Проснулся он, а в избе уж светленько. В окнах заря забрезжила. Старуха будто и не ложилась вовсе. У стола стоит.

– Ну, – говорит она ему, – Пора тебе. Нельзя надолго тут задерживаться живым-то. А вот тебе подарочек от меня. Завтра сын у тебя родится. Крестить его станешь, надень этот крестик. Он дитя твоё от всех бед сохранит.

И протянула она мужику старый серебряный крестик на шнурочке кожаном.

Взял его мужик, поблагодарил старуху, да и вышел из избы. Лошадку из стойла вывел, запряг. Да опомнился, что про дорогу-то так и не узнал у старухи. Обернулся к избе. А там и нет ничего! Дуб старый стоит, толщиной в шесть обхватов, а избы и нет вовсе! Страх мужика взял. Прыгнул он в сани да и поехал оттудова поскорее.

И надо же, аккурат на дорогу вчерашнюю и выехал. Она

в нескольких шагах от избы была, а ведь лошадь ночью сколь времени галопом гнала по лесу. Ну и чудеса! Подивился мужик и домой поехал. Приехал, а там жена ревёт. Увидела мужа, кинулась ему на шею.

– Думала, – говорит, – Что в живых тебя нет! Мужики наши сказали, что нынче ночью разбойники в лесу на мужика какого-то напали. И лошадь увели, и самого нет. Одна телега в снегу осталась стоять.

Тут-то и припомнил мужик слова старухи. Достал из-за пазухи крестик, рассказал всё жене. Та охает да ахает.

– Давай, – говорит, – Маменьке с тятенькой его покажем. Пошли к мужниным родителям. Те, как увидели крестик, ахнули. Прабабкин то был крестик, с ним её и хоронили.

А на другой день родила жена сына Прокопия. На десятый день мальчишку окрестили и подаренный прапрабабкой крестик надели. Долго, сказывают, тот Прокопий жил и во всём удачлив был. То ли оттого, что человеком был хорошим, то ли и вправду крестик прабабкин ему помогал.

– Бабуля, а ещё расскажи, интересно как! – запросили внуки.

– Поздно уже, спать пора, – ответила бабушка.

– Да не поздно, – наперебой затараторили мальчишки, – Ещё только восемь часов. И свет всё равно не дали. Заняться нечем.

– Да, что-то долго налаживают, – вздохнула бабушка, – Вон какая метель нынче, видать провода где-то оборвало. Ну да ладно, расскажу ещё одну историю. Слыхала я её от бабушки своей и было это в её деревне, откуда она родом, значит.

Померла там девка молодая. Похоронили её, всё как следует. А после стали вдруг парни в деревне помирать один за другим. А про ту девку нехорошее сказывали, мол, ведьма она была. И зла она на весь Божий мир за то, что молодой померла. Да и дела её, видать, покоя ей не дают на том свете. Вот и приходит за новыми смертями. Но говорить одно дело, а доказать никто не может. Что делать? Уже трое парней спать легли и не проснулись.

Решили караулить. В тех семьях, где парни были, стали по очереди домашние охранять, ночь не спать. И вот в одну из ночей караулил дед, было это в избе Тихоновых. Тишина кругом. Спят все. Дед и сам носом клюёт. Луна ясная, полная, в окно светит. И видит дед, в этом лунном свете тень показалась. Заглядывает кто-то в избу. Дед подобрался весь, палку, заранее приготовленную взял.

Тут дверь скрипнула и входит в избу та самая девка, которую похоронили! Поводила носом по избе, понюхала, как зверь, и пошла к той лавке, где внук деда спал – парень Иг-

нат, двадцати лет. Встала ведьма над ним, развернула с себя саван, и только было хотела накинуть его на спящего, как дед подскочил. Палкой ка-а-ак махнёт! Отлетела ведьма в угол, встала на корточки, ровно зверь дикий, зашипела. Тут и все проснулись, всполошились. Выскочила ведьма в сени да на улицу, и пропала.

А саван её на полу так и остался лежать. Дед поднял его и пошёл людей собирать. Подняли всю деревню. Светать уже стало. Лето было. Пошли все на кладбище. Открыли могилу, а там девка та лежит, в чём мать родила. Так и поняли все, что она и ходила по деревне, смерть в дома приводила, саваном своим спящего покрывала, тот и не вставал больше.

Ну сделали, что полагается, могилу закрыли, окропили, и с тех пор прекратилось всё. А вот дед тот помер всё ж таки на другой день. То ли сердце старое не выдержало, то ли оттого, что саван ведьмин он в руках подержал смерть-то за ним явилась. Так то.

Тут в избе ярко загорелась лампочка.

– Ой, гляди-ко на ночь-то и свет дали, починили знать линию, – обрадовалась бабушка.

Алёшка с Максимкой щурились от яркого света и моргали.

– Бабуль, а расскажи ещё одну, ну пожалуйста, – затянули

они свою песню, – Ну напоследочек.

– Али ещё не наслушались? Потом и на двор идти забоитесь.

– Не забоимся, мы вдвоём на двор ходим.

– Ну глядите. Расскажу ещё одну и хватит с вас.

Жила семья в одном селе, муж да жена. И не было у них детей. Вернее сказать, детки-то у них рождались, да только не жили долго. Горевали муж с женой сильно. Да что поделаешь, видимо судьба у них такая.

И вот в один из дней постучался к ним в избу странник. Ночевать попросился. Старенький уже старичок, сухонькой, на палочку опирается, одет бедненько.

– На богомолье, – говорит, – Иду. Пустите, люди добрые. Гроза собирается. А я места много не займу. Хоть вон в сенцах прилягу. А за то помолюсь я о вас в Троице-Сергиевой лавре, когда доберусь туда.

– Проходи, дедушка, – отвечают муж с женой, – Да за стол садись с нами.

Накормили они деда, муж его в баню позвал.

– Ты, говорит, – Давно, поди, дедушка, не парился. Давай-ка я тебя попарю да отогреешься на полке.

Попарил он деда, рубаху свою подарил.

Домой пришли, спать его на печь уложили, сами на лавках легли.

Вот утром поднялся дед ранёхонько. Поклонился хозяевам и говорит:

– Вот спасибо вам, детушки, что вы меня старика уважили. За ваше добро и я вам помогу. Знаю я, что детей у вас нет. А беда вот в чём. Зыбка ваша виновата.

Подивились муж с женой, спрашивают старика:

– А что же с зыбкой-то?

– А ты сам её мастерил?

– Нет, – кивает муж, – Зыбка эта ещё жены моей, её в ней качали, лежала она эти годы на повети. А как первенец у нас народился, так и достали мы её.

– Нельзя, – говорит старик, – В таких местах колыбель хранить. Места то нежилые, как амбар и баня те же. Водится там нечисть разная. А ребёночек ещё некрещеный, вот и беззащитен перед ними. А в вашей зыбке *Мокоша* своих детей нянчила на повети. Оттого и помирают теперь ваши младенцы.

– Что за Мокоша?

– Жила у вас на селе баба одна, колдовством занималась, а как померла, так и стал дух её Мокошей. Живёт она в неосвященных местах и людям вредит.

– Что же делать? – спрашивают муж с женой, – Выбросим ту зыбку да и дело с концом. Всё и наладится.

– Э, нет, – говорит старичок, – Зыбку-то вы выбросите

да только надобно Мокошу из дома прогнать. Иначе она всё равно дитё изведёт.

– Как же нам её прогнать?

– А я вас научу. Как полная луна наступит, так зыбку эту берите, да в лес идите, а в зыбку куклу тряпичную покладите. Мокоша подумает, что вы её дитё в лес потащили и следом пойдёт. Зыбку нужно будет в лесу оставить и домой возвращаться. Мокоша поймёт, что не её дитеныш в зыбке, следом побежит.

А в это время пусть тот, кто дома останется, три раза дом и весь двор с иконой обойдет, и три круга солью насыпет. Человек пройдёт, а Мокоша не сможет. Да священника позовите, пусть избу и весь двор обойдет с молитвой, водой святой окропит. Не вернётся больше Мокоша.

Поблагодарили муж с женой старичка. Всё, как он велел и сделали. Как из леса стали возвращаться, так увидели чёрную страшную старуху в лохмотьях. Бежала она следом, за деревьями хоронилась, проклятиями сыпала, а близко подойти не решалась.

Как год минул, снова тот старичок в избу постучал. В обратный путь с богомолья шёл. А в избе радость – дочка Алёнка народилась! Крепкая да пригожая, голубоглазая.

– Вот как бывает на свете, – сказала бабушка Алёшке

с Максимкой, – А теперь давайте чай пить да спать ложиться.

Живая гора

Правда то али нет, а только сказывают люди, что есть среди наших уральских гор Живая гора. И прозвали её так оттого, что помогает она тому, кто придёт к ней со своей бедой. Да только не каждому она поможет, а лишь чистому сердцем, доброму человеку...

Жила в нашей деревне девушка, Акулиной звали. Мать её померла рано, девчоночка с отцом осталась. А тот, как в сказке, привёл в дом мачеху – женщину недобрую, неласковую. Невзлюбила она Акулину, мало сказать. Поедом ела. Да хитрая до чего была, изворотливая, при отце вьётся возле падчерицы, по головке гладит, а лишь муж за порог, так за косы таскает Акулину да голодом морит. От того двоедущия ещё обиднее девчоночке, с души воротит.

Уйдёт, бывало, она в лесочек или поле, как по ягоды вроде, там и наплачется вдоволь, поведает берёзкам да травам боль свою сердечную. Как подрастать стала да в девичий возраст входить, так в мачеху и вовсе бес вселился. Ох, и не нравилось злой бабе, что падчерица такая ладная да красивая стала, что все парни на неё заглядываются. И ничего не умаляло красоты её, ни старые лапти на ногах, ни заштопанное кругом платье, ни грубые, в царапинах, руки. Потому что го-

ворили эти царапины о том, что работающая хозяйка этих рук, трудолюбивая, и без дела не сидит. А платье, что платье? Его и новое можно сшить, и не одно.

А мачехины годы идут, уж не та она. И в молодости-то красотой особой не отличалась, а к старости и вовсе от злобы своей скукожилась да почернела. И вот что злая баба задумала. Решила она пойти за три села от них, к ведьме, чтобы Акулине навредить. И пошла...

В тот вечер мачеха особенно была ласкова с падчерицей. Отцу, вернувшемуся из города с работы, всё подливала вина. Возле Акулины змеей вилась. Да угощала всех ягодным пирогом. А наутро проснулась Акулина вся в коростах. Тепло её и голова сплошь покрыты были толстыми, безобразными корками, которые мало того, что были страшны на вид, так ещё и причиняли девушке немалые страдания. И так жилось ей не сладко, а сейчас и вовсе сил не стало. Что только не пробовала знахарка деревенская, тётка Глафира, но ничего не помогало.

Деревенские стали шарахаться прочь от Акулины, сторониться её, а ну как заразная она. Но на них Акулина не держала за то зла, понимала, что правы они, а таких мук, что испытывала сама, она и врагу не пожелала бы. Каждое движение причиняло девушке боль. Зато мачеха хорошела на гла-

зах, щёки заиграли свежим румянцем, а формы округлились.

И вот однажды решила Акулина навсегда уйти из дома родительского. Собрала она с вечера нехитрый провиант в котомку, и рано утром, пока отец с мачехой ещё спали, вышла из избы, и пошла прочь из деревни, в ту сторону, где вставало солнце. Долго она шла, ни день и не два, пока не дошла наконец до невысоких гор, что тянулись далёко, докуда хватало взгляда. К тому времени хлеб у неё закончился, и питалась она травами, ягодами да кореньями. Давно уже не попадалось ей на пути чистой воды и Акулине очень хотелось пить. И тут увидела она, как у подножия одного холма бьёт родник со свежей, прозрачной водой.

Припала девушка к воде, напилась и умылась, а когда поднялась, то почувствовала, что не болят больше её лицо и руки – коросты с них вмиг отпали. Не веря своим глазам, Акулина принялась омыwać в роднике ноги и тело, и прямо на глазах коросты исчезали, и вскоре всё тело её стало прежним. Не веря своему чудесному исцелению, Акулина заплакала от счастья, и поклонилась роднику:

– Спасибо тебе, батюшка-родник!

Отдохнув в тени деревьев, коих росло тут великое множество, решила Акулина остаться здесь до утра, а утром отправиться дальше, пока не дойдёт до какойнибудь деревни,

где можно будет наняться в работницы. Только сейчас разглядела Акулина как прекрасна эта долина у подножия гор, пышным цветом цвели тут всяческие цветы, сочные зелёные травы в пояс качались под ветром, на деревьях росли плоды, словно кто-то ухаживал за ними.

И вот ночью слышит Акулина шёпот, будто зовёт её кто. Испугалась она, смотрит тихонько кругом – а нет никого. Кто же это? Спряталась она за дерево и слушает. А голос и говорит:

– Не бойся, Акулина, не сделаю я тебе зла. Всё знаю я, кто ты и откуда, и как жила. А болезнь твою на тебя мачеха наслала, накормила тебя околдованным пирогом, твою красоту себе забрала. Не успокоится она, пока тебя со свету не сжиёт, но научу я тебя как дальше быть. А пока спи, спи...

Подуло на Акулину сладким ветром и смежились веки её. Уснула она крепким сном, каким уж давно не спала. А на рассвете пробудилась и стала думать, кто же с нею ночью говорил? Нешто во сне всё привиделось? И тут вдруг разверзлась гора, открыв огромный свой рот, и распахнула глаза на морщинистом лице-склоне:

– Ну что, Акулина, исцелил мой родник твою хворь?

Страшно перепугалась девушка, но из почтения поклонилась горе и ответила, вся дрожа :

– Исцелил, спасибо тебе.

– Место это святое, – молвила гора, и повеяло от дыхания её тем самым сладким благоухающим ветром, от которого уснула Акулина ночью.

– Давно жил тут святой старец, что держал строгий пост и молился денно и ночью. Было тут в те времена все не так, как нынче. Ели сухие росли да камни лежали. Но по молитвам старца даровал Господь благодать этой земле, расцвела она, ожила, а из подножия моего забил этот родник. Видишь во-о-он тот высокий камень? Под тем камнем старец покоится.

С той поры редко ступала здесь нога человека. А всё потому, что земля эта злосердечному не покажется. Мимо пройдёт и увидит лишь те самые сухие ели, что росли сто лет назад. А ты, видать, девушка хорошая, оттого и пустил тебя старец на свою поляну и мои уста отверз. Слышала, поди, что и горы могут заговорить, коли нужный час придёт?

И гора улыбнулась.

– Что же посоветуешь ты мне, Матушка-гора? – спросила Акулина, – Как мне дальше жить?

– Жить как жила, Бога не забывать, людей любить, добро творить, землю родную уважать. Мало нынче тех, кто землю уважает, кто кланяется ей как ты, благодарит за дары.

Посватается к тебе парень хороший. И отец твой долго жить будет, внукам радоваться. А для мачехи твоей есть

у меня подарочек. Наломай-ка ты веток вон с той берёзы, да в баню подложи, как мачеха станет париться. Вам от этого веника ничего не будет, а она своё получит. И для тебя, Акулинушка, есть у меня подарок. Возьми там, у родника. И ступай назад, домой.

Закрыла гора глаза и рот-расщелину, а Акулина низко горе поклонилась и пошла к роднику. Видит она, а в воде переливается что-то разными цветами. Взяла. А это бусы самоцветные, из разных камней сложенные. Залюбуешься, до чего красивые. Нарвала Акулина веток с берёзы, в благодарность перевязала белый ствол её своей лентой красной, да в обратный путь с лёгким сердцем тронулась.

Несколько дней шла она и вскоре на закате дня показались вдали огни родной деревни. Отец обрадовался, что дочь нашлась, обнимает её, плачет и смеётся. Дивится тому, что излечилась она. А мачеха коршуном глядит, того и гляди испепелит взглядом. На другой день пир собрали, гостей созвали. А на вечер баню истопили. И подложила Акулина тот веничек мачехе, когда та париться пошла. Вот ушла мачеха и нет её. Ждут-пождут, нет. Стали в дверь стучать. Не отзывается. Принялись толкать – не отпирается. Что такое? Решили окно ломать. И лишь только сломали, как вылетела из бани огромная, чёрная, как смоль, карга. Закаркала громко и унеслась прочь. Тут и дверь в баню сама по себе отворилась. А в ба-

не-то никого...

Стали жить вдвоём Акулина с отцом. А по осени посватался к ней парень добрый, хозяйственный да с лица пригожий. Свадьбу сыграли. Зажили семьёй. Дед с внуками нянчился, сказки им рассказывал долгими зимними вечерами. Жили они все долго и счастливо, а бусы те самоцветные Акулина носила, не снимая, до конца своих дней, и всегда помнила и благодарила старца и Живую гору.

Олѣнка и Водяной

Известно, что у каждой реки, у каждого озера и даже болотца махонького хозяин свой имеется, Водяной то бишь.

Имелся он и на Дѣмкином озере. Так в деревне народ говорил, а он врать не станет. Прозвали то озеро Дѣмкиным оттого, что давным-давно утонул в нём парнишка по имени Демьян. Молодой совсем, годов двадцати от роду. И что самое интересное, тело его так и не нашли, хотя утонул он у людей на глазах. Сколь не ныряли мужики, сколь баграми не шерудили озеро, поднимая со дна ил и муть, так и не достали Демьяна. Вот уж точно «как в воду канул»...

Бабки местные своё задумали, так и так, мол, надо каравай по воде пустить, утопленничек на хлебушок-то и всплывёт. Так и сделали, терять всё равно нечего. Испекли каравай в избе Демьяна, воткнули в него горящую церковную свечу, и пустили в озеро. Плавал-плавал каравай кругами, да и встал в самом центре озера.

– Там, там надо искать, – кричат старухи.

Опять мужики с баграми давай воду шерудить, да всё без толку. Нет Демьяна!

Так и оставили это дело. Панихиду отслужили в церкви.

Поминать стали каждый год в этот день. А как не стало родителей да братьев старших, так и поминать некому стало. И Демьян сам забылся, а вот название озера осталось. А после и Водяной там объявился. Старики шептались, что Водяной тот, Демьян и есть. Оттого, мол, и не нашли его, что озеро его себе забрало, Хозяин ему нужен был. Затянуло, мол, тело в подземный ключ, что под водой бьёт и озеро то питает, а опосля отпустило. И стал Демьян к тому месту привязанный.

Годы шли. Просеивало время минуты сквозь сито. Уми­рали старики, рождались дети. С той поры, как Демьян с­гинул уж поколений пять сменилось. И все рассказывали про встречи с Хозяином озера. В лунные ночи любит он выпол­зать на большой камень, что на том берегу лежит, ближе к ле­су. Сидит, греется в лунном свете. Сам он большой, пузатый, кожа его серая покрыта синими пятнами. Волосы длинные на плечи падают. Борода пышная рот прикрывает. А глаза круглые, выпуклые, как у лягушки.

Никому он зла не делает. Напротив, бывало, что и помо­гал даже. Вон однажды побежали мальчишки на то озеро ку­паться, а Савка нырнуть решил на глубину, похвастаться пе­ред друзьями, мол, смотрите, как я умею. Ну и нырнул. Да и запутался там ногами в водорослях длинных, цепко держат они мальчишку, уже и погибать он стал. Тут бы и конец ему

пришёл, как вдруг откуда-то сбоку большое, грузное что-то подплыло, рот раскрыло, а зубы у него, как у щуки острые, мелкие, частые, да и перегрызло теми зубами цепкие стебли. А Савку хвостом как толкнёт, так и вылетел он почти до самого берега! От страха только воздух ртом хватает, еле отдышался, а после и рассказал друзьям, что его Водяной спас.

А порой затянет Водяной песню, чтобы язык людской не забыть совсем. Были такие, кто слышал, как он поёт. Голос у него, говорят, басовитый, булькающий, но понять можно о чём поёт и слова разобрать отдельные. Песни у Водяного особые, не такие, как у людей. В тех песнях сила есть. Кто услышит, как поёт Водяной, тому удача большая будет.

И жила в деревне дурочка одна, Олёнкой звали. Так и не сказать, чтобы она совсем уж неладная была, всё понимала и сама хорошо говорила, только смеялась всё время без причины, да умом, что дитя была. С ними и бегала она всё время. Ровесницы те, видишь, не брали её в свой круг. А ребятне той с Олёнкой весело. Она росточком-то повыше, где до яблони дотянется, чтоб яблок нарвать, где на плечи подсадит, чтобы на крышу забраться, где с работой поможет быстрее управиться, чтобы родители на улицу отпустили. Олёнка всем помогала, добрая душа.

Жила она с бабкой своей, родители от болезни померли.

Лет десять назад тиф прошёл по деревням, много народу тогда Костлявая унесла. И Олёнкиных тоже прихватила. Бабка теперь уже старая была. О внучке своей всё горевала, как жить, мол, станет, когда я помру. Ведь умом совсем убогая. Замуж её никто не возьмёт. И одна жить не сможет.

А в один из дней прибежала Олёнка домой радостная, хвалится бабке:

– Бабонька, а у меня дружок новый появился.

– Что ещё за дружок? – спрашивает бабка.

Олёнка-то дурочка дурочкой, а красивая была девка, глазищи синие, коса чёрная, всё при ней. Боялась баушка, как бы не испортил кто девку. Свои-то не обидят, а вот ну как чужой кто тронет.

– В озере он живёт, большой да смешной, песни поёт. Цветок вот мне подарил.

И протягивает бабке кувшинку на длинном стебле.

Охнула бабка, не иначе как кто-то и правда решил девку спортить, воспользоваться её дуростью.

– А ну, – говорит, – Олёнка, поди сюда. Как зовут твоего дружка?

– Демьяном, – отвечает.

Тут ещё больше баушка старая перепугалась, никак сам Водяной внучке явился. Не к добру это. Утащить хочет её к себе на дно.

– Чтоб не бегала больше к озеру, поняла? – страшит она

внучку, – Не то утопит тебя Водяной!

Накуксилась Олénка. Впервые у неё друг появился не из детворы, и с тем бабка не велит видеться. Дождалась другой раз, когда уснёт старушка, а сама опять к озеру побежала. Ждала ждала она своего друга, и вот выплыл он, сел на камень. Глядит на девушку своими глазищами, другой бы испугался до смерти, а Олénке что? Она что дитя, в сказки верит, вот и принимает всё за сказку, интересно ей, весело. Стали они болтать с Хозяином озера. И ведь понимала она, что он балакает.

Так и повелось, что ни день, то бежит Олénка к озеру. Осень наступила. Бабушка занедужила и слегла. Помирать готовится. Да в мыслях у её внучка родная, как-то она жить одна станет? Лежит баушка да плачет всё. И Олénка смурная стала, тихая. Сидит рядом с бабкой, ухаживает. Да только, что ни вечер всё уходит из избы. И не сказывает, куда пошла.

И вот в один из вечеров вернулась Олénка и к бабушке подседа. Сидит и молчит.

– Что же ты молчишь, внученька? – бабка спрашивает, – Скажи ты мне, что у тебя на душе?

– Демьян сказал мне, что помрешь ты скоро, но чтобы я не боялась, одна я не останусь.

– Ах, окаянной! – расплакалась старушка, – Спортит он таки ж тебя, да что за Демьян это такой? Пусть к нам придёт.

Али женатый он?

– Как же он придёт, он в озере живёт. Водяной он.

– Нет никакого Водяного, кто тебе голову морочит, а ну сказывай!

Вздохнула Олénка.

– Как лёд на озере встанет, так жених в наш дом приедет.

Так он сказал.

– Да какой жених, – горюет баушка, – Ведь ты умом дитя!

Кто за тебя посватается! Ох, ты горемыка моя...

– Не знаю, бабонька, а только так Демьян сказал.

Вскоре и снег выпал и озеро льдом покрылось. Перестала Олénка бегать к другу своему закадычному. Всё возле бабки сидела. И то бабка стала замечать, что Олénка будто умом исправляться стала, что за диво? Заговорит о чём, да так ладно всё, гладко. Баушка и радоваться боится. Лишь молится лежит тихонько, Бога благодарит.

В одну ночь крепкий мороз ударил. Холодно стало в избе. Принесла Олénка дров, пожарче печь растопила. Вот и спать легли. Только уснули – в дверь стучат. Испугались Олénка с баушкой.

– Кто там? – спрашивают.

– Откройте, люди добрые! – отвечают из-за двери, – Погибаем!

Что делать? Вроде и жалко людей. Морозище вон какой

нынче. Может и правда беда стряслась с ними. Взяла Олénка ухват. Дверь отперла, а сама ухватом тычет.

– Заходи по одному.

Вошли в избу двое. Один мужичок постарше будет, с бо-родой, а второй молодой совсем пареньь.

Вошли, на образа перекрестились, поклонились хозяевам.

– Простите нас, хозяева, коль напугали, – говорят, – Бе-да у нас стряслась. Волки напали в лесу. Лошадей наших за-драли. Еле сами спаслись. На дерево забрались да ждали, по-ка они уйдут. Как стали волки сытые, так ушли в лес, а мы полночи на дереве просидели, после слезли да бежать, кой-как до деревни вашей добрались. Не откажите, дайте до утра обогреться, мы хоть на лавке посидим. Ног и рук не чуем.

Пригласила их Олénка к печи, стол накрыла, самовар по-ставила, чем богаты, тем и рады. Согрелись люди, повесе-лели. Рассказывают, мол, сами мы городские, купцы будем. Ехали с товаром в другой город, да вечер в лесу застал, а по-сле волки напали. А молодой ест-пьёт, а сам всё на Олénку поглядывает. Назвался он Митрофаном. Ночь прошла. Ре-шили купцы идти к соседям, лошадей просить, деньги у них с собой имелись хорошие. А как собрались в дорогу, так и сказал Митрофан Олёне:

– Дождись меня, я на Рождество за тобой приеду.

Ничего не ответила Олénка, улыбнулась только, глаза опу-

стила.

Уехали купцы. Оставили хозяевам денег за постой, хоть и не хотела Олénка брать. А ещё пузырьрёк дали махонькой, от городского доктора, мол, всегда с собою возим это лекарство, сил оно придаёт, от хворей многих лечит. Велели бабушке по капельке давать. Так и сделала Олénка.

Прошла неделя-другая и баушка на ноги встала, а после и по дому захлопотала. Помогло лекарство! А как Рождество наступило вернулся Митрофан за своей Олénкой, полюбил он её с первого взгляда за сердце доброе, за красоту девицью, за душу чистую. Свадьбу сыграли. А после обеих с баушкой забрал Митрофан в город. Хорошо стали жить, и баушка долго ещё рядом была, правнуков нянчила, некогда помирять теперь!

Лет через пять приезжала Оленка в родные края, на домишко свой поглядеть, да Хозяину озера спасибо сказать.

Как к художнику чёрт приходил

Пётр подавал большие надежды, будучи студентом Академии искусств. Из-под его пера выходили удивительные, невероятные образы, он имел собственный стиль, собственное видение мира.

– Далеко пойдёт, – говорили преподаватели.

Однако на последнем курсе, будучи опьянённый успехом, и уже ощущая себя великим художником, студент Пётр вдруг запил в прямом смысле этого слова.

Всё началось с творческих тусовок, на которых присутствовали порой весьма интересные и известные личности. Безобидные удовольствия вскоре переросли в зависимость и Петру сложно было представить хотя бы вечер без бокала вина или чего покрепче. Густой ароматный дым кружил голову, а терпкие напитки придавали самоуверенности и ощущения полноты бытия.

Всё было прекрасно, а впереди Петра ожидало большое будущее, обещанное преподавателями. Вот уже Академия искусств осталась за плечами, подающего надежды молодого художника устроили в тёплое место по тусовочным знакомствам. Спустя два года Пётр уже провёл свою первую персональную выставку и она имела успех. Деньги, связи, девочки

и, конечно же, тусовки. Всё казалось безоблачным.

Однако в один из дней к Петру пришёл чёрт. Самый обыкновенный чёрт. В тот вечер Пётр выпил больше обычного и вернулся домой в отличном настроении, намереваясь сейчас же сесть за работу. В голове его фонтанировали безудержные идеи, образы и оттенки будущего шедевра. Но сидя за мольбертом, Пётр с удивлением понял, что не может наложить и пары мазков на девственно чистый холст, зияющий подобно пустоте меж рамок.

Вот в эту-то самую минуту и появился он. Сначала что-то зашуршало в дальнем углу комнаты, зашелестели бумаги, грудой наваленные за диваном. После несколько раз моргнул свет в торшере, раздался странный звук, похожий на сдержанный чих, и на спинке дивана возник чёрт, точнее даже будет сказать чёртик.

В преисподней явно сочли, что на такую лёгкую цель, как Пётр не стоит тратить серьёзные резервы и послали к нему самого младшенького. Чёрт тряхнул хвостом, приосанился и глянул на Петра чёрным блестящим глазом:

– Ну, здравствуй, Пётр!

– Допился, – прошептал тот в ответ, вжимаясь в свой стул и крепко зажмуриваясь.

– Вот всегда так, – обиженно прострекотал чёрт, – Как

что, так сразу – допился. А я может по делу к тебе, Пётр.

– Какому ещё делу? – всё больше бледнея, еле выдавил из себя художник.

Эх, это было его первой и главной ошибкой. Ну ведь сколько раз говорили про то отцы церкви, что нельзя, нельзя вступать в диалог с нечистым. Скольких бед удалось бы избежать, просто не начни человек отвечать да перекрести лукавого беса. Но Пётр этого не знал. Вырос он в семье атеистов. Была у него старенькая бабушка, которая знала молитвы и в храм ходила, да померла уж лет пятнадцать назад.

А чёрт всё сидел и смотрел на Петра, нагло ухмыляясь.

– Хочу я тебе, Петенька, помощь свою предложить.

– Какую это?

– А такую – станешь ты писать такие картины, что вскоре пригласят тебя на выставку в сам Париж, а там заметит тебя нужный человек, точнее я помогу ему заметить тебя, ну а дальше не жизнь у тебя будет, а сказка! В деньгах и славе купаться будешь. Весь мир о тебе заговорит.

– Хм, я и так успешен, – горделиво заметил художник, – Может я и без твоей помощи до Парижа доеду?

– Эн нет, Петруша, не доедешь. Не помнишь ли ты, когда начал ты писать свои картины, те, что больно уж восхищали твоих учителей? А? На третьем курсе. А не помнишь ли ты, что тогда было?

Пётр нахмурил лоб. Что было? Много чего было. Жизнь молодая, студенческая пора, упомнишь что ли всё?

– Не помнишь, – засмеялся чёрт, – Был осенний вечер, собрались вы тогда на квартире у приятеля вашего Рената. Гуляли, пили, веселились. Кто-то вспомнил, что на носу Хэллоуин и предложил вызвать духов. Припоминаешь?

– Ерунда какая-то, – отмахнулся Пётр, – Баловство одно. Разве это имеет значение и связано как-то с моим талантом?

Чёрт захихикал, довольный потирая ручонки :

– Ещё как имеет, Петруша! Ещё как связано! Ведь талант-то твой я тебе и дал.

– Чего? – возмутился Пётр, – Что ты несёшь?

– Зря ты так грубо со мною, – обиделся чёрт, – Я ведь могу и передумать, и подарочек свой обратно забрать. И кто ты тогда будешь, Петруша? Да никто! Ноль без палочки!

– Да чем ты докажешь, что мой талант от тебя?

– А ты думал, что все дары от Бога? – спросил чёрт и поморщился при упоминании имени Господня, – Не-е-ет, знали бы только люди, сколько великих талантов скрывают за собой истинное своё начало!

– Погоди, – не понял художник, – А какой смысл вам делать добро людям?

– Экой ты недогадливый, – тряхнул рожками чёрт, – Да ведь много причин-то. Но самая главная, безусловно, это по-

тешить вашу человеческую гордыню. Ох, как вы все себя любите, кого мните из себя! А мы любим таких, как вы.

Чёрт снова захихикал и, спрыгнув со спинки дивана, на которой он сидел всё это время, направился к Петру.

Тот подскочил со стула и, схватив его в руки, выставил вперёд себя:

– Не подходи ко мне, гад!

– Вот те на, – сделал недовольную рожицу чёрт, – Обызывается... А тогда, в дождливый и тёмный осенний вечер, когда вы меня вызвали, ты со мной говорил совсем иначе.

И тут Пётр вспомнил. Как сейчас возникла перед его взором комната, погруженная в полумрак, бутылки из-под вина на полу, хихикающие девчонки и парни, и белый лист бумаги, лежащий на полу, с начерченным на нём кругом и ползающий сам по себе кусочек дерева, служащий за стрелку... Они тогда вызвали духа и задавали ему вопросы, а после тот предложил им исполнить по одному их желанию, и они не отказались.

– погоди, – вдруг сказал Пётр, уже заметно протрезвевший к этому времени, обращаясь к чёрту, – То есть ты тогда исполнил моё желание научиться рисовать так, чтобы у всех дух захватывало?

– Именно, – кивнул чёрт, – Но со временем мне трудно стало достучаться до твоего сознания, и мне пришлось на-

учить тебя пить. В таком состоянии ты отлично меня слышал.

– Ты хочешь сказать, что все мои картины это твоя работа?

– Неужели до него дошло? – притворно воздел лапки к потолку чёрт, – Ну конечно!

Пётр замолчал. Ситуация выглядела абсурдной. Он стоит в собственной квартире и разговаривает с каким-то чёртом. Чушь! Завтра же обращусь к Андрюхе, он врач, поможет.

– Не поможет тебе Андрюха, – горестным вздохом прервал его мысли чёрт, – А если и поможет, то рисовать ты уже никогда не будешь.

– Да в конце концов, что тебе от меня нужно? – воскликнул Пётр, в ярости запустив в чёрта стулом.

Тот взвизгнул и отскочил, повиснув на люстре.

– Что ты, – запнулся он на полуслове, но осекся, – Хорошо, я скажу тебе, как есть. Я продолжаю помогать тебе. Ты становишься великим художником. Но ты же понимаешь, что за всё следует платить. И потому в конце жизни, ты отдаёшь мне свою душу. Ну в самом деле, какая разница что там будет после смерти, правда же? Главное хорошо пожить здесь! Да и когда она ещё придёт, эта смерть! Ты молод и полон сил.

– Ну а если я откажусь?

– Тогда я просто уйду.

– И всё?

– И всё. Только не забывай, что вместе со мною уйдёт и твой «талант», – хитро улыбнулся чёрт.

– А это мы ещё поглядим, – ответил Пётр, – А ну пшёл прочь!

Чёрт злобно захихикал, блеснул глазками, махнул хвостом, и брякнув копытами, прыгнул за диван.

Пётр, постояв некоторое время на месте, осторожно подошёл к дивану и заглянул в угол. Там было пусто. Лишь едва покачивались жёлтые листы в старом развороченном ворохе бумаг, будто бы от лёгкого сквозняка.

Прошло несколько недель. Во взъерошенном, с потерянным взглядом мужчине, сложно было узнать прежнего весёлого Петра. Это было невероятно, но он больше не мог нарисовать ни-че-го. Абсолютно ничего. Пейзажи, выходящие из-под его кисти, выглядели как мазевания пятиклассника, а портреты казались шаржами.

Окружающие недоумевали. А Пётр проводил бессонные ночи у мольберта и рисовал, рисовал, рисовал, никогда, однако, не бывая довольным плодами этих бессонных ночей.

Он забросил друзей и подруг. Он потерял работу, поскольку начал пить уже и в рабочее время. Он писал и тут же рвал, писал и рвал. Пётр уже и сам был бы рад чёрту, но тот всё не шёл, и неизвестно было, придёт ли он когда-либо вообще.

Но вот, в одну из очередных таких ночей, в углу вновь раздалось знакомое шуршание. И на спинке дивана возникла мелкая мохнатая фигурка с пяточком и рожками.

– Как поживаешь, Петруша? – хрюкнул чёрт.

– Где тебя носит? – воскликнул раздражённо Пётр.

– Ты как всегда недружелюбен, – откликнулся чёрт, – А я уж было думал, что на этот раз ты обрадуешься мне после столь долгой разлуки.

– Послушай, – начал торопливо Пётр, – Я не знаю, что ты там сделал, но я не могу больше рисовать. А без своих картин я никто! Я ничего больше не умею да и не хочу ничему учиться. Я хочу творить! Верни мне талант.

– Так ты согласен на сделку? – воодушевился чёрт, радостно запрыгав на одной ножке.

– Согласен, чёрт с тобой, – махнул рукой Пётр.

Чёрт засмеялся:

– Я-то всегда с собой, а вот ты, гляжу, совсем без меня зачах.

– Не твоё дело, – грубо оборвал его Пётр, – Давай уже, возвращай талант, а когда я умру, так и быть, забирай себе

мою душу.

– Если она вообще есть, – добавил он напоследок.

Чёрт ликовал:

– Вот и замечательно, вот и славно! А теперь садись и рисуй.

– Что, вот так просто?

– А ты чего хочешь, чтобы я тут пассы руками проводил? Ну если тебе это так важно, то пожалуйста, мне не сложно, – пожал плечами чёрт, – А теперь иди, рисуй.

Пётр, недоверчиво косясь на чёрта, присел за мольберт и взял в руки кисть. Замерев на мгновение, он сделал первый мазок. Взглянул на чёрта. Тот сидел, закинув ногу на ногу, словно не замечая его, и насвистывал какую-то мелодию.

Пётр задумался и наложил ещё несколько мазков. И тут вдохновение снизошло на него, как водопад, ниспадающий с вершины скалы. Он рисовал, не замечая никого и ничего, он ушёл с головой в эту картину, первую после нескольких недель творческого кризиса. За окном уже забрезжил рассвет, когда Пётр отложил кисть и встал, придирчиво рассматривая своё творение. Оно было великолепно. Широкое плато, покрытое вековыми могучими деревьями, цветами немыслимых оттенков и ручьями с кристально чистой водой, раскинулось посреди холста. Крутые склоны окружали плато. А за теми склонами, на бледно-синем небе, где гасли ми-

риады звёзд, ещё невидимая миру, но уже поющая о себе, розовела полоска новой зари.

Пётр задумчиво стоял перед мольбертом. Чего-то не хватало в этом творении. Ему хотелось ещё лучше выразить этот рассвет, ещё более оживить его.

– Не могу, не получается, – пробормотал он вслух.

Задремавший было чёрт, встрепенулся.

– Что-то не так? – спросил он у Петра.

Художник повернулся к нему, глаза его лихорадочно блеснули.

– Не хватает красок! – воскликнул он, – Хочу точнее выразить этот рассвет, это начало нового дня!

– За чем же дело стало? Пиши с натуры.

И чёрт, подбежав к окну, распахнул шторы. Пётр отпрянул назад. Там, за окном, вместо привычного серого города расстиралось сочно-зелёное плато, равнина, покрытая цветами и ручьями с прохладной кристально свежей водой. Последние звёзды гасли с одного края неба, а с другой уже розовела полоска зари. Первые робкие лучи уже пытались пробиться из-за высоких склонов гор на равнину, чтобы пролить на неё благодатный свет.

– Это невероятно, – прошептал Пётр.

Чёрт услужливо распахнул окно:

– Там, наяву, всё ещё прекраснее, посмотри сам.

Прямо от окна спускалась ровная дорога, уходящая вдаль, за горизонт и покрытая по обочинам бледно-фиолетовыми цветами. Они источали невероятный аромат.

– Иди, – прошептал чёрт, – Иди туда. В долину.

Пётр завороченно выдохнул и, повернувшись к мольберту, схватил его и кисть с палитрой, а после встал на подоконник и шагнул.

Тело, лежащее на тротуаре возле двадцатиэтажного дома, обнаружили первые прохожие. Человек, а точнее то, что от него осталось, крепко прижимал к себе большой мольберт. Что там было изображено, разобрать уже не представлялось возможным, алые струйки стекали ручейками по полотну, заливая кровью всю картину.

Никто не заметил, что на ветке соседнего дерева, скрытый от посторонних взглядов густой кроной, сидел маленький чёрт. Притворно вздохнув, он пробормотал:

– Эх, Петруша, Петруша, так и не стал ты великим художником. А ведь твоё имя обозначает камень! Эх, обмельчали нынче люди...

Взмахнув хвостом, чёрт проворно спрыгнул с ветки, придерживая в лапках увесистый мешок, в котором что-то барахталось и стонало, и пропал, растворившись в воздухе.

Жених из озера

Дом стоял на берегу большого озера. По утрам подёрнуто оно было дымкой тумана, клубилось и манило таинственным своим зовом, шуршали-перешептывались осока и камыш, переговариваясь промеж себя, под дыхание ночного ветра, отражались в водной глади, как в зеркале, последние мерцающие звёзды, уже тающие под розовеющей зыбкой полоской рассвета, плывущей с востока.

Дом был старый. Тёмные от времени брёвна кое-где покрылись мхом, серые ставни запирались на ночь от холодных ветров и непрошенных гостей из леса. Деревянное крылечко с резными столбиками пристроилось справа от калитки. На невысоком плетне висели под солнцем кувшины и горшки. Жили в доме бабушка с внучкой.

Поселились они здесь ещё тогда, когда семья их была большой и шумной. Отец, мать, дочка Зиночка трёх лет, пожилые родители, да отцовы братья-сёстры младшие, что ещё пока не вошли в возраст женитьбы. Работа кипела в хозяйстве, у каждого дело своё было, не ленились, не скучали, дружно жили. Но пролетели годы, подросли младшие, покинули родительское гнездо, разлетелись кто куда. Умер старый хозяин, отец семейства. А с Зиноккиными родителями

беда приключилась, угорели они однажды в бане. Так и остались бабушка да внучка Зиночка одни, в весёлом когда-то, и наполненном смехом и радостью, доме.

Зиночка и от природы была девочкой задумчивой да тихой, а после потери родителей и вовсе закрылась от людей. Деревня-то чуть поодаль стояла, и ребятишки прибежали к озеру поиграть да и Зиночку звали с собой, но она игр их не любила, всё больше нравилось ей одной бывать. Сядет у воды, перебирает камушки, из травинок браслеты плетёт, рисует на песке кончиком острой веточки. Осенью, как листва опадала разноцветным ворохом, гуляла она вдоль берега, обходя неспешно всё озеро по кругу, останавливаясь и рассматривая резные листья, шишечки и сухие ягоды, оставшиеся в высокой траве капелькой ушедшего лета. Зимой же, когда задували с севера ледяные ветра, принося с собою снег и вьюги, когда в печной трубе выли метели и братья их, бураны, заметали Божий мир, Зиночка спускалась на особое место у воды, где лежал большой камень-валун, и где снег держался крепко, не проваливаясь, и стояла там подолгу, глядя на спящее царство воды.

Так и жили тихонько. Бабушка домом занималась. Зиночка в деревенскую школу ходила. Вот и исполнилось девушке семнадцать лет, заневестилась. И парни местные на неё заглядываться стали, хорошая девчоночка вышла – ладная да

красивая, и скромностью взяла, и умом. Да только Зиночке никто не глядится из тех парней. Кажется и вовсе ей никто не нужен. Всё в своих мечтах она да раздумьях.

И вот одним летним вечером пришла Зиночка как обычно на берег озера, села у воды. Звёзды взошли уже над лесом и месяц рогатый отразился из-за Зинойкиного плечика в зеркальной глади, пробежала по озеру лунная дорожка. Крикнула протяжно ночная птица где-то за лесом. Прошелестели травы шёпотом. Вода за большим камнем всплеснулась, будто нырнул кто, и снова тихо.

Сидит Зиночка, своим любимым делом занята – камушки перебирает, в руках перекачивает, между пальчиками, словно драгоценные они. И вдруг мелькнуло что-то на одном из них – будто бы узор какой затейливый. Подивилась Зиночка, подобрала снова тот камушек, да поближе к глазам поднесла и видит она в лунном свете, что на бочке-то его и вправду написано что-то.

– Приходи ко мне завтра в девять вечера, – прочитала девушка.

Задумалась.

– Что за чудеса такие? Чьи это шутки?

Огляделась она кругом – никого. Лишь травы да деревья, деревенька вдалеке, за лугом, полускрытая лесом, их с бабушкой избушка под соснами, да и всё на том.

Прошлась Зиночка по берегу, сжимая в руках заветный камушек, взволновалось всё ж таки сердечко её. И возраст подошёл самый такой, когда пора влюбляться и ждать чуда, и сама-то она была не от мира сего – особая, ранимая, романтичная, вот и запало ей случившееся в голову. Вернулась Зиночка домой, бабушке ничегошеньки не сказала, чаю попили, да спать разошлись. На следующий день хлопочет девушка по дому, а у самой все мысли о том камушке. Кто мог его подбросить? Кто такие слова на нём написал? А ведь слышала она, как вода за валуном всплеснула, может кто-то подплыл тайком тогда? Кружили вопросы в её головке, не давая покоя. А как пробили ходики с кукушкой девять, так пошла она на берег озера.

– Холодно уже, куда ты? – позвала Зиночку бабушка.

– Да я ненадолго, бабуленька, – отозвалась девушка, накинула на плечи большую шаль и выбежала из дома.

Тишина застыла на берегу. Ночь нынче тёмная выдалась, ни звёзд на небе, ни месяца. Тревожно было у воды, неуютно. Только Зиночка того не заметила, мысли её камушком были заполнены, а вдруг и правда придёт сейчас кто, тайный поклонник её? Встала она у валуна, ждёт. Нет никого. Замерзать уже стала, всё ж таки дело к августу шло, да и у воды оно всегда холоднее. А никого нет. Поникла Зиночка, голову опустила, не иначе, как посмеялся кто над нею из дере-

венских. А она, глупая, вообразила себе невесть что, напридумывала. Только хотела было она развернуться, как по воде волны пробежали, кусты зашелестели, и голос послышался: – Зиночка-а-а-а...

Вздрогнула девушка, испугалась. Никого нет, а чудится ей, что стоит с нею рядом кто-то, вот чувствует она, как по руке её тёплый ветерок пробежал, щеки коснулся, по волосам погладил. Замерла она, дышать боится. А голос тот таинственный не ушами слышит она, а будто внутри, в голове он звучит. И тут филин заухал в лесу. Очнулась Зиночка от оцепенения своего, повернулась к дому да и побежала прочь.

На другой день не пошла девушка к любимому озеру, беспокойно было на сердце у неё. А всё ж таки любопытно ей, что же такое происходит? Кто это всё придумал? Может Никитка? Да он не такой, ему и в голову не придёт. Может Женя? Тоже не то. Так перебирала Зиночка мысленно деревенских парней, но ни на ком так и не остановилась она.

Следующим утром решила всё ж таки Зиночка прогуляться на берег. День на дворе, что плохого может случиться. Да и в свете дня подумалось ей, что она и вовсе всю историю придумала, привиделось ей, послышалось, иначе и быть не может. С теми думами и пришла она к валуну. Глядь,

а на камне кувшинка лежит – огромная, жёлтая, капли влаги на ней блестят, словно вот только из воды её достали.

Подошла Зиночка поближе, забралась на валун, склонилась над цветком, что такое? А внутри, в самом венчике-то снова камушек лежит. Да красивенький такой, гладкий, зелёнький полупрозрачный. И снова на нём нацарапано что-то. Взяла Зиночка камушек тот тонкими пальчиками, а на нём слова: «Моя ты теперь».

Обернулась Зиночка по сторонам – никого, лишь снова всплеснуло в воде. Да что за дела происходят? А сердечко-то ещё больше зашло – кто-то её полюбил!

– Ну что же, не хочет поклонник показываться и ладно, так даже интереснее, – подумала Зиночка, – Поглядим, что дальше будет, а бабуле пока ничего не скажу, а то ещё и вовсе запретит на озеро ходить, что тогда?

Так и повелось. Днём находила Зиночка на берегу озера камушки разноцветные с посланиями, а по вечерам приходила на встречу с женихом невидимым и говорили они подолгу. А как говорили, она и не пересказала бы, коль бы кто спросил её. Не видела она никого глазами и не слышала ушами, а всё ж таки был кто-то рядом. Незримый, тайный, и оттого ещё более манкий.

Словно морок нашёл на Зиночку, не понимала она уже, не ведала, что дело-то тут недоброе, тёмное. И так она втянулась в те ночные свидания, что и помыслить не могла, что же будет вскоре, когда осень наступит и холода придут. А ну как не покажется до тех пор этот поклонник? Так и будет камушки бросать да в невидимку играть? Должны же они когда-то и увидеться!

Вот и вечера уже стали холодными, прелой травой запахло в саду, птицы к югу потянулись стаями, листья зазолотились. Зябко было у воды теперь, а жених всё не показывался, и от себя не отпускал, извелась уже Зиночка. Невдомёк ей, что не человек с ней шутки шутит. Молоденькая, наивная совсем... Но вот в один из дней, когда небо покрыто было тяжёлыми тучами, нашла Зиночка камушек очередной и прочла на нём: «Пора. Нынче заберу тебя».

Сердце застучало в груди как бешеное. Что делать? Как быть? Что значит – заберу, когда они и не видели ещё друг друга. Ну парень-то, положим, и видел её, а вот она, Зиночка, и понятия не имеет каков он и чей будет. Тревожно на душе у девушки. А всё ж таки и в эту минуту не одумалась она.

– Будь что будет, – думает, – Приду сегодня на берег, раз такие слова он мне пишет, значит показаться решил. Вот и хорошо. Домой придём, с бабушкой его познакомлю. Сама наконец увижу кто он. Сколько можно прятаться.

Опустился над лесом звёздный шатёр. Свет зажётся в окнах старого дома под соснами. Засобиралась Зиночка к озеру. А бабушка словно чует что-то, не отпускает её.

– Что ты, девка, ведь темень какая, ты погляди как ветер завывает нынче! Никак ненастье идёт.

А у Зиночки тяжело в груди, давит ей сердце, мочи нет, как заколдованная, всё в окно глядит, глаза горят как в лихорадке.

– Пойду я, бабонька...

– Да что с тобой?

Тут и рассказала Зиночка всё бабушке, про жениха невидимого, про встречи их вечерние, про камушки те с надписями. Охнула бабушка, да перекрестилась, бросилась ставни запирать, а после, как в избу вернулась, да дверь на засов закрыла, посадила она внучку супротив себя, и вот что она ей поведала.

– Жил в деревне нашей парень один, Володей звали. Моих годов он был. И вот полюбил он девушку одну, Василинку, а та ему не ответила взаимностью. Он уж и так и сяк кружил околь её, та ни в какую. Ну не люб, что поделать, сердцу не прикажешь. А хороши оба – и Василинка, и Володя. Заглядывались на них противоположной-то пол, выбирай себе пару да семью строй. Ну Василинка так и поступила. Сошлась она с Анатолием, свадьбу сыграли. А Володя как с ума

сошёл... И вот ведь что натворил – пришёл он на озеро в день свадьбы Василюкиной да и утопился. С той поры несколько раз девушки тонули молодые на нашем озере. И каждая вот про то же баяла, что и ты, про жениха невидимого, который зовёт за собой. Ложись-ка ты, дочка, спать, утро вечера мудренее, а там видно будет как нам быть.

Легли они с бабушкой спать. А за окном ветер воет, дождь полил, буря разыгралась, молнии даже сквозь ставни всполохами огненными избу озаряют, жуть... Зиночка в кровати мечется, уснуть не может. И всё бежать порывается к озеру. Бабушка над нею встала, слова какие-то шепчет, свечу зажгла перед иконами, комнату водою крещенской окропила. Мало-помалу забылась Зиночка тяжёлым сном и бабушка прилегла в своей комнатке.

А наутро как проснулись они, то увидели, что руки у Зинойки все в синяках, словно тянул кто её, а сорочка и постель тиной озёрной измазаны.

После всего заколотила бабушка дом, да и уехали они от греха подальше жить в город, к одной из дочерей, Зинойкиной тётушке. Там Зиночка и учиться пошла в училище, а спустя несколько лет и замуж вышла за парня хорошего. А дом на озере так и стоит по сей день с заколоченными ставнями.

В тихом омуте

*Никто из нас не святой. Вопрос лишь в глубине,
на которую нужно копнуть, чтобы найти твоих
скелетов...*

Давно эта история случилась. Домик тот на краю села стоял, на отшибе от других. Махонький такой, глянешь и поди-вишься, как и вовсе жить в таком, ровно игрушечный. А жили в том домике бабушка старенькая да внучка Верочка. Мама Верочки давным-давно в город сбежала с очередным своим женихом, оставив дочку на мать, да так и пропала, не было от неё никаких вестей. Любила она жизнь весёлую да разгульную, а маленькая Верочка только мешала ей. Так и стала девочка расти с бабушкой.

Шло время. Стала бабушка хворать, всё реже стали видеть её деревенские на улице, а после и совсем перестали.

– Лежит бабуля, – отвечала Верочка, горько вдыхая, – Ноги, говорит, совсем не держат.

Сердобольные деревенские женщины приходили навестить Валентину Никитишну, приносили кто оладьев, кто молочка парного. Но заботы у всех свои, постепенно и соседки перестали заглядывать. Тем более Верочка, такая молодчина, повсюду успевала – то на речке бельё полощет, то

гусей с лужайки домой загоняет, то у двора метёт, то в огороде работает, то баню топит.

– Какая помощница у Никитишны выросла, – любятся бабы, – И за бабушкой смотрит и по хозяйству хлопочет!

Ни с кем девушка особо не общалась, в гости никого не водила, отвечала, что бабушка шум не любит, тяжело, мол, ей. Соседки привет передадут да гостинец порою, возьмёт Верочка, поблагодарит, а в другой раз от бабушки ответный привет передаст.

В один из летних дней ушла Верочка по ягоды, калитку на колышек заперла по деревенской традиции, чтобы гуси да коровы не зашли во двор, да огород не вытоптали. Вот в этот-то день и заметила Гавриловна, что жила ближе других к дому Верочки, что вроде как дымом тянет с их стороны.

– Батюшки, – всполошилась она, – Да ладно ли у них? Поди горят? А Верочка-то по ягоды ушла ещё с утра! Никитишна одна там лежит.

И всплеснув руками, помчалась Гавриловна, что есть духу к дому соседей. Вынула колышек из калитки, во двор вошла, огляделась – не видать огня, а дымом вроде пахнет. Поднялась по ступеням на крыльцо, в избу зашла. А Никитишны-то и нет там...

Да и не так, чтобы сейчас нет, а и вообще нет! Никаких

следов. Будто и не живёт там бабушка – ни одежды, ни вещей каких, кровати заправлены покрывалами, подушки стоят горкой, ажурной накидкой сверху покрытые. А Никитишны нет. Оторопела Гавриловна и про дым позабыла. Обошла всю избу, тишина. Осмелев, заглянула в шкаф, и под кровати, и в чулан. Как есть – никаких следов, что в доме пожилая женщина живёт.

– Как же это, – забормотала Гавриловна, спускаясь с крыльца и останавливаясь у хлева.

– Погоди, дак ведь небось Верунька вернулась уже, да баню растопила, вот и дым я чуяла, вот и Никитишны не видать – в баню наверное Верунька её снесла. Только как она одна её дотащит?

Но всё же дошла Гавриловна и до бани, заглянула в предбанник – никого. Не топлена баня. Дверь нараспашку.

Совсем Гавриловна озадачилась. Неспешным шагом прошлась она по двору, завернула за угол. А за углом закуток был небольшой, глухой, между сараем да домом, сзади забор, за забором берёзы растут высокие.

Смотрит Гавриловна, а в том закутке вроде как могила, холмик земляной, вокруг цветы посажены и крест небольшой, деревянный стоит. Обомлела Гавриловна, страшная догадка пронзила её, ноги вмиг обмякли, тело сделалось словно ватное, да так и села она на те цветы.

– Ну вот и знаете вы теперь, что нет моей бабушки, – по-

слышался сзади голос.

Гавриловна обернулась. Позади стояла Верочка.

– Верочка, дак как же это? И когда померла она?

– Да уж лет пять как.

Гавриловна прижала к губам концы платка.

– Как пять?... А, а почему же ты никому не рассказала, не похоронила по-человечески бабушку, на кладбище?

– А мне тут нравится, – улыбнулась как-то нехорошо Верочка, – Всегда бабушка рядом, а за могилой я хорошо ухаживаю, видите? Цветы вот посадила, крест поставила. Я ведь хорошая внучка.

Гавриловна всё не могла придти в себя от открывшейся правды:

– Верочка, дак не по-людски это всё. Надо бабушку захоронить на кладбище, батюшку позвать, ведь не отпетая она покоится.

– Да что вы заладили своё – на кладбище, на кладбище? – злобно сверкнула глазами Верочка, – Вам-то какое дело? Шли бы отсюда подобру-поздорову.

– Но ведь это бабушка твоя, которая тебя вырастила. Нельзя так.

– Нельзя? – Верочка взметнулась фурией, затряслась вся, – А ей можно было учить меня как жить? Правила свои навязывать? Попрекать меня мамкой моей? Мол я непутевая расту, вся в неё! А то и руку поднимала на меня, когда я по-

младше была.

Гавриловна медленно поднялась на ноги, не спуская глаз с Верочки, лицо девушки перекошено было ненавистью, щеки полыхали, а безумный взгляд блуждал по двору, словно выискивая что-то. Никогда до того не видели она милую и добрую Верочку такой. Пятясь, Гавриловна дошла до калитки, а после резко обернувшись, рванула со всех ног, несмотря на свои годы, припустила так, что потеряла где-то по дороге платок с головы.

Прибежав в свой дом и заперев дверь, Гавриловна накалила в щербатую чашку капель из флакончика, стоявшего на полке шкафа, а когда отдышалась и сердце в груди перестало прыгать, словно загнанный заяц, принялась размышлять.

– Дело-то тут нечистое, девка ровно с ума сошла – глаза вон как горят, точно не того. Да и что сделала?! Во дворе баушку похоронила. Пять лет уже... Батюшки-светы! А мы столь времени рядом жили и ничего не поняли, что Никитишны и в живых нет давно, дуры, дуры! Так ведь как ловко Верка выкручивалась всегда, то спит бабушка, то болеет, то ещё чего. А оно вот как... Вот тебе и Верочка... Надо людям сказать и доложить куда следует. Не дело это, чтоб Никитишна во дворе лежала. Захоронить надобно её, как полагается православному человеку. Завтра и пойду. А сегодня

ноги не держат. Отлежаться надо мне, а то так недолго и самой на тот свет отправиться.

На следующий день, спозаранку, Гавриловна созвала народ и, вызвав из города участкового (пункта милиции-то давно не было в их забытой Богом деревушке), отправились они в дом Верочки. Только никого там не нашли. Дом был пуст. Верочка исчезла без следа.

Могилу вскрыли и обнаружили в ней Никитишну. Тело забрали в город на экспертизу, которая показала, что погибла она от удара по голове. Верочку объявили в розыск. Валентину Никитишну похоронили, соблюдая все православные традиции на местном кладбище. Дом заколотили.

Пока горит свеча

Ночь была жаркой и душной, ни малейшего дуновения ветерка не доносилось из открытого настежь окна. Где-то вдали рокотал гром. Приближалась гроза. Муж давно уснул, а я всё ворочалась в горячей, неудобной постели, мне казалось, что я сейчас задохнусь, до такой степени не хватало мне воздуха. Сейчас бы хоть глоточек морозного, ледяного дыхания зимы.

– Ненавижу лето, – подумала я про себя.

Проворочавшись с пол ночи, я всё же провалилась в кошмарный сон. Мне снился полный бред – какие-то тёмные пещеры, тусклый свет свечи в руках, идущего впереди меня, силуэта, чьё-то протяжное, монотонное пение, раздающееся под каменными сводами.

Внезапно я проснулась и села на кровати, тяжело дыша, противный липкий страх накрывал меня волной, не знаю чего именно я боялась, но сердце моё стучало о рёбра словно бешеное.

– Это всё духота действует на мозг, – проворчав себе под нос, поднялась я с кровати, и пошла на кухню, чтобы выпить холодной воды с лимоном, которую я нарочно ставила в холодильник охлаждаться.

Не включая свет, я добрела до холодильника, сделала несколько глотков освежающей жидкости и побрела обратно в спальню, попутно проверив детей. Те сладко спали, раскинув руки и ноги, и никакая жара им не мешала. Немного постояв рядом, я вздохнула и направилась в свою комнату, откуда раздавался храп мужа.

Я уже почти дошла до кровати, как нечто заставило меня замереть в шаге от неё. Я стояла, застыв от непонимания происходящего и абсурдности увиденного. На нашей постели, рядом с моим мужем лежала я сама и сладко спала...

Мысли мои смешались, я почувствовала, как холодный мерзкий страх стекает вниз по моей спине, от макушки до пяток, немой ужас охватил всё моё сознание, а спустя мгновение меня бросило в жар.

– Что это? – выдохнула я, – Что происходит?

В голове лихорадочно стучало, я перебрала в секунду сотню вариантов происходящего и в конце концов решила, что всё это мне просто снится. Нет, ну в самом деле, не может же это быть правдой!

Я пребольно ущипнула себя за руку, но ничего не изменилось. Перед моими глазами была та же картина – тёмная комната, кровать, залитая лунным светом, и я на этой кровати, лежащая неподвижно, с закрытыми глазами, словно...

И тут меня снова пронзило страхом – словно мёртвая.

– А что, если я и вправду умерла?! Да нет же, с чего мне умирать. Чуть какая. Это всё кошмар, я просто не могу проснуться.

Я решительно подошла к кровати и протянула руку к себе, лежащей там. Это было поистине труднообъяснимо, видеть себя со стороны да ещё и прикоснуться к себе. Рука моя легла на плечо той меня, что спала рядом с мужем. Я, поначалу тихонько, а после всё сильнее и сильнее, принялась трясти «себя» за плечо. Но никакой реакции не последовало. «Я» на кровати продолжала оставаться спящей.

Тогда я подскочила к мужу и принялась трясти уже его, паника моя нарастала, а муж спал, как ни в чём не бывало. Рулады, издаваемые им, слышно было, наверное, даже у соседей.

– Ну что ты храпишь? – заныла я, – Проснись! Мне страшно!

Но он меня не слышал. Дрожь колотила меня вовсю. Я не знала, что мне делать, я сходила с ума. Внезапно я почувствовала, что мы не одни в этой комнате. Я не слышала ни звука, если не считать храпа моего супруга, но тем не менее я отчётливо понимала, что здесь есть кто-то ещё.

Я обвела комнату глазами и увидела его. Он стоял в углу, высокий и молчаливый. Тот самый силуэт из моего кошмарного сна, позади которого я плелась под сводами гулких

пещер и блики тускло горящей свечи плясали по стенам, создавая причудливые тени, пугающие меня. Эта свеча и сейчас была в его руках. Он ничего не говорил и лишь молча смотрел на меня. Я не видела его лица под низко надвинутым капюшоном, я даже не знала мужчина это или женщина, но явственно ощущала на себе его пристальный взгляд.

– Кто ты? – прошептала я, – И что происходит? Почему меня две?

Голос незнакомца был похож на шорох сухих листьев, которыми играет осенний ветер:

– Видишь эту свечу? – он кивнул на свои руки.

– Да, – пролепетала я.

– Она почти догорела.

– И что это значит?

– Твоё время подходит к концу.

– Ничего не понимаю, – схватилась я руками за голову, –

Какое время? Кто ты?

– Я Хранитель. А свеча – это твоя земная жизнь.

– Хранитель? – не поняла я.

– Да. Хранитель душ.

– Постой, ты хочешь сказать, что я умерла.

– Пока нет. Видишь, огарок ещё тлеет? Но осталось недолго.

– Я не хочу умирать, – по щекам моим потекли слёзы, –

А как же они без меня? Мои дети, муж...

– Каждый раз одно и то же, – вздохнул Хранитель, – Эти слова я слышу тысячи раз за день. И знаешь, твой возраст тут ни при чём, даже старики не хотят умирать. Они, конечно, жалуются на свои немощи и любят повторять, что лучше умереть, чем так жить. Но всё меняется, когда прихожу я. Они начинают умолять меня об отсрочке, хотя бы на пару дней.

– Неужели моё время пришло?

– Время – песок, оно зыбко и находится в огромных часах Вечности. Когда осыпается последняя песчинка, Вечность переворачивает часы и всё начинается сначала.

– Значит смерти нет? – спросила я.

– А ты умна, – смягчился голос из-под капюшона, – Ну так что, будем ждать здесь, пока догорит свеча или отправимся в путь?

Я покосилась на огарок в руках Хранителя, он был ничтожно мал, пламя свечи то и дело гасло, но всё же спустя долю секунды вспыхивало вновь.

– Подождём здесь, – неуверенно сказала я.

Я стояла и смотрела, как мерцает маленький зыбкий огонёк в темноте комнаты.

– Неужели ничего нельзя изменить? – спросила я, с надеждой глянув на Хранителя.

– Иногда Вечность переворачивает свои часы чуть рань-

ше, чем упадёт последняя песчинка.

– И тогда время твоей жизни продолжается? – задумалась я.

– Верно.

– И как же это сделать?

– А ты, однако, не ходишь вокруг да около.

– Да, у меня не так много времени, чтобы лукавить, – ответила я, не сводя глаз со свечи.

– Хорошо, я скажу тебе, – сказал Хранитель, – Но условия не каждому под силу.

– Я попробую.

– Ну что ж... Ты можешь выкупить свою жизнь взамен на другую.

– Как это?

– А вроде умной показалась поначалу, – съязвил Хранитель.

– Я, правда, не понимаю.

– Скажу проще, чтобы продлить горение твой свечи – должна погаснуть другая.

– Погоди... Ты хочешь сказать, что вместо меня должен умереть кто-то другой?

Хранитель молча кивнул.

– Ты можешь выбрать этого человека сама. Ну так что? Муж? Сын? Дочь? Родители? Или кто-то ещё?

– Нет! – отвергла я его предложение резким взмахом ру-

ки, – Этот вариант мне не подходит. Подождём.

Я кивнула на свечу. От неё уже практически ничего не осталось. Мы молчали и ждали. В комнате воцарилась тишина. Даже мой муж не храпел.

– Эх ты, – думала я с горечью, – Спишь и даже не чувствуешь, что рядом с тобой сейчас уходит жизнь твоей жены. А говорил всегда, что любишь. Да если бы любил, давно бы уже проснулся.

– Нам пора, – прервал мои мысли Хранитель, – Жизни твоей осталось минут на пятнадцать.

– Но они мои! – горячо возразила я.

Ах, эти пятнадцать минут! Сейчас они казались мне целой вечностью, неслыханным богатством. Как же бездумно трагитим мы время своей жизни, убиваем его ни на что. А когда их осталось всего каких-то пятнадцать, мы вцепляемся в них и может только сейчас и начинаем жить? По-настоящему.

– Я хочу пробыть здесь до конца, а после пойдём куда там полагается, – ответила я Хранителю.

Тот пожал плечами.

Внезапно в комнату вбежал наш кот Юпитер, Юпи как мы называли его дома. Он был взбудоражен, шерсть на его спине встала дыбом. Он вскочил на кровать и обнюхал моё лицо, а затем прыгнул на мужа и начал драть его когтями. Я не узнавала своего вечно ленивого, сонного кота.

– Юпи! – вскричала я.

Но кот не обращал на меня внимания, то ли не слышал, то ли просто не хотел. Ошарашенный муж подскочил на кровати, ничего не понимая и тараща сонные глаза в темноту. Внутри меня затеплился робкий огонёк надежды. А что если?... Да нет, Хранитель же сказал, что возможен лишь один вариант – жизнь за жизнь. Значит всё бесполезно. И я равнодушно стала наблюдать за происходящим.

Юпи прыгнул на «меня», что лежала в кровати, и принялся истошно орать.

– Да ты что, Юпи? – поразился муж, не узнавая, видимо, как и я нашего толстяка.

Он попытался прогнать его, но тут внимание мужа вдруг переключилось на меня. Что-то не понравилось ему в той «мне», что лежала рядом с ним в постели.

– Юлька? – тихонько потряс он меня за плечо.

Но я не отвечала. Ещё бы. Огарок уже почти не горел, лишь тускло догорал фитилёк.

Муж вдруг соскочил с кровати и заметался по комнате, наконец нашёл то, что искал – свой телефон. Я слышала, как он кричит что-то в трубку про жару и больное сердце, про номер нашего подъезда и наличие домофона. Я догадалась, что он вызывает скорую помощь.

– Поздно, – подумала я, – Да и смысла нет. Нужно, чтобы

кто-то умер за меня. А скорая, кстати, придет самое лучшее минут через двадцать.

Странное ощущение появилось вдруг в моём теле, ноги мои начало ломить, так сильно, что казалось их тянут со всей силы так, что скоро оторвут от туловища.

– А умирать больно, – подумала я.

В это мгновение зазвонил домофон.

– Так быстро? – поразила я сквозь боль, которая дошла уже до пояса.

В квартиру влетела реанимационная бригада. Последнее, что я видела это моё, распластанное на полу тело, в окружении медиков, разбросанные по полу ампулы, и непонятный прибор, я видела такие в кино, таким, кажется, заводят сердце.

– Юлька, как ты? – услышала я голос мужа.

Он раздавался издалека. Я попыталась открыть глаза, грудь пронзила боль, словно по мне проехался грузовик.

– Серёжа?

– Юлька! Всё хорошо, ты в больнице. Всё позади. Мы чуть не потеряли тебя, а я дурак спал и ничего не чувал. А у тебя это... сердечный приступ! Если бы не Юпи, не знаю как он это понял. А ты везучая, скорая сказали – в рубашке родилась, они как раз в нашем дворе были на вызове, прилетели

мгновенно.

Муж тараторил и я видела, что он это нарочно, если он остановится, то расплатится, а он мужчина, он не хотел показывать мне свои слёзы, но я видела их в его глазах.

– А дети? Где?

– Да всё нормально, там мама моя с ними. Они и не поняли ничего.

– погоди, – прервала я его и задумалась.

Если я жива, то кто тогда?... Или Хранитель соврал мне?

– Дома всё в порядке? Точно? – взволнованно спросила я, приподнимаясь.

– Ой, ляг обратно, – всполошился муж, – Тебе нельзя двигаться пока, так сказал врач.

– Серёжа, скажи, что там дома?

– Да не хотел я тебе говорить, но ты же настырная... В общем, это, Юпи не стало.

– Юпи? – прошептала я.

– Да, я не знаю что случилось, сам в шоке. Когда тебя откачали и погрузили в скорую, чтобы отвезти в больницу, я увидел, что он лежит на твоей подушке. Я думал, просто прилёг. А когда вернулся домой, ну, меня же не пустили сюда поначалу, то и увидел, что он не дышит.

– Жизнь за жизнь, – прошептала я сквозь слёзы, – Мой маленький друг перевернул часы.

– Что? – не понял муж.

Но я промолчала, мне тяжело было говорить. Муж решил, что я немного не в себе после того, что пережила и потому не стал допытываться.

Вскоре он ушёл. Наступила ночь. Я лежала одна в палате и смотрела в окно. Внезапно я услышала тихое «Мяу», это был Юпи! Я повернула голову и увидела нашего кота. Он подбежал ко мне, запрыгнул на постель и потёрся пушистой мордочкой о мою щёку. Затем спрыгнул на пол и направился в угол палаты. Я подняла взгляд.

Там, в углу, стоял Хранитель и держал в руках новую свечу. Она горела сильным, ярким пламенем. Спустя секунду видение исчезло и лишь лунная дорожка серебрилась, убегая сквозь оконное стекло куда-то ввысь, в небеса.

Клоун

Здание цирка стояло заброшенным уже много лет. Когда развалился СССР, подобная судьба постигла не один завод и предприятие, что уж говорить о каком-то там провинциальном цирке.

Городок был не то чтобы совсем захудалым, но особо значимых объектов в нем не располагалось. Жизнь текла тихо и мирно. Строительство нового дома, открытие магазина или спортивного клуба были большим событием. Тем больше потрясли жителей дела, которые начали твориться в их городке.

А началось всё с того дня, когда местный бомж Миша поведал своим товарищам о том, что в заброшенном здании цирка живёт клоун. Он де сам видел, как тот выглядывал в покрытое пылью и паутиной, окно. Собутыльники подняли Мишу на смех и сказали сегодня ему не наливать. Миша крепко обиделся и махнул рукой. А следующей ночью пропал.

Здание, где располагался когда-то цирк, а точнее его администрация и подсобные помещения с комнатами для артистов, находилось на окраине, сразу за городским пар-

ком, дальше начиналась лесопосадка, а после неё трасса. В те счастливые времена, когда цирк был открыт для детей и взрослых, рядом стоял ещё и шатёр, где проходили непосредственно сами представления. Сейчас, естественно, от него не осталось и следа, площадка поросла кустарником, который вплотную окружил двухэтажное каменное здание администрации.

Вот в этом-то здании и видел Миша клоуна. По его словам вёл себя этот клоун весьма странно – выглядывал, прячась, из окна, а после появился в пустом дверном проёме. Он стоял, не двигаясь, и смотрел на Мишу, расположившегося в кустах для отдыха. В руках клоун держал увесистую книгу.

Миша струхнул. Клоун этот был каким-то жутким, неестественным. Что-то зловещее было в его нарисованном лице и диком, зверином оскале, не похожем и близко на человеческую улыбку.

Миша драпанул оттуда так, что лишь пятки сверкали, переночевал он на скамейке в парке, а с утра пришёл на рынок, к товарищам, собиравшимся там, чтобы рассказать им свою историю.

– И вот что я скажу, мужики, – озираясь по сторонам, горячо твердил он, – Не тот ли самый клоун это был, а?

«Тот самый клоун» был в лучшие времена артистом цирка. Звали его Эдуардом. Это был нелюдимый и странный

человек. Он носил чёрную одежду и длинные, тёмные, как смоль, волосы, одним видом своим и выражением лица, пугая людей. Поговаривали, что он состоит в какой-то секте и даже, что дома у него есть книга, обтянутая человеческой кожей.

Правда это была или нет, но ссориться с ним боялись, после одного случая, когда ему отказала акробатка Элочка, а спустя два дня она прямо во время выступления рухнула вниз из-под купола цирка и получила травму, несовместимую с жизнью. Следов преступления не нашли, сказали, мол, несчастный случай, но все в трупке думали на Эдуарда.

Уборщица тётя Надя видела, как накануне Эдуард стоял, задрав голову и глядя под купол, и что-то бормотал при этом на незнакомом странном языке. Тётя Надя застыла на месте, а после тихонько ушла оттуда, испугавшись, что он заметит её.

Надо сказать, что артист из Эдуарда был великолепный. Он настолько перевоплощался на сцене, что его было просто не узнать. Чёрные, длинные волосы прятались под рыжим париком, тёмный балахон сменялся на яркие жёлтые штаны и синий кафтан с пуговицами-помпонами, покрытое белой краской лицо, круглый красный нос и нарисованная добродушная улыбка довершали образ милого, весёлого клоуна-озорника. Дети его обожали. Каждый его выход на арену цирка сопровождался бурными овациями. Он шутил и сме-

шил, он играл с залом и зажигал так, что рукоплескали ему еще долго после того, как он уходил с арены в закулисы, за тяжёлый бархатный занавес.

Но однажды в городе случилось неслыханное происшествие – пропали два ребёнка. Их искали повсюду. А нашли в той самой лесополосе, что начиналась за цирком. Они сидели под деревом, живые, но абсолютно не в себе, и всё твердили про страшного клоуна из цирка с чёрной книгой в руках. Милиция Эдуарда задержала и провела расследование, но никаких улик против него не нашли, опять же с детьми, по сути, всё было в порядке, не было никаких травм и прочего. И снова всё списали на богатое детское воображение и решили, что дети сами убежали из дома на поиски приключений.

А вот третий случай уже явно указывал на причастие к нему клоуна. В пропаже и лишении жизни пожилого мужчины обвинили именно его, имелись все доказательства. Однако, когда Эдуарда пришли арестовывать, то нашли его висющим под потолком в собственной квартире. Стены сплошь были исписаны странными символами и знаками, а вот той самой книги, про которую ходили слухи, обнаружено не было. То ли её и вовсе не существовало, то ли хозяин надёжно припрятал её, теперь уже было не узнать.

Люди шептались, что клоун продал душу дьяволу, заключив с ним сделку, мол, для того и залез он в петлю. Постепенно история с клоуном забылась. Шли годы. Пришли 90-ые, многое развалилось. Городок жил в своём тихом ритме. И вот на тебе, снова начало твориться что-то неладное.

Бомжа Мишу искать было некому, пропал и пропал. Лишь собутыльники повздыхали да и всё на том. А вот когда, спустя пару недель, ушла из дома второклассница и исчезла, тогда уже город встал на уши. Искали девочку все – полиция, волонтёры, просто обычные жители. Безуспешно. Родители сходили с ума. А днём позже подростки, забредшие на заброшку в поисках острых ощущений, услышали крики из подвала. Испугавшиеся дети позвонили в полицию. Девочку нашли в подвале, живую и невредимую, но конечно в страшном испуге. И снова повторился рассказ про страшного клоуна с книгой, который читал какие-то заклинания.

В течении месяца история повторилась три раза. Дети утверждали, что видели клоуна, который манил их из окна, он был таким замечательным и смешным, что дети подходили ближе, тогда он звал их внутрь, обещая показать представление. Дети заходили, и тогда клоун преображался, улыбка его приобретала хищный оскал, глаза светились как у оборотней в мультике, и что происходило дальше, дети не помнили. Приходили в себя они в страшных тёмных

комнатах, полных мусора и старых вещей. Находили детей запертыми в разных частях здания цирка. Благо теперь уже родители знали, где искать. Никакие устрашения, на которые шли родители, не работали. Дети, словно загипнотизированные шли к заброшенному цирку.

Люди перестали отпускать детей из дома одних, а в тёмное время суток и сами побаивались находиться на улице, особенно рядом со зданием цирка, недалеко от него как раз проходила крайняя улица города с пятиэтажками из красного кирпича, и жителям волей-неволей приходилось проходить мимо.

Вот житель одной из этих-то пятиэтажек и встретился тем осенним вечером с загадочным похитителем детей. В городе шептались, что загадочный клоун это не просто какой-то шутник, а призрак того самого Эдуарда, продавшего душу дьяволу. Только зачем ему дети, тем более, слава Богу, они оставались каждый раз невредимы, никто не понимал. Итак, житель пятиэтажки Данил, молодой человек, двадцати трех лет от роду, возвращался домой с трехнедельной вахты. Дорога его шла через лесополосу от трассы и занимала минут двадцать. Дальше следовала заброшка, затем парк и родные пенаты.

Данил был уставший, за его плечом болталась довольно

увесистая сумка, хотелось поскорее добраться до дома, принять душ, поужинать и устроиться отдыхать. Сгущались сумерки, холодный ветер пробирал сквозь одежду, начинал накрапывать осенний промозглый дождь. Данил почти поравнялся с заброшкой, когда увидел его – мальчика, лет восьми, стоявшего напротив тёмного окна, с каким-то чудом уцелевшими ещё стёклами.

Данил остановился, удивлённый тем, что делает в таком месте и так поздно, маленький ребёнок. Внезапно он узнал в мальчике своего соседа по лестничной клетке – Артёма. И только было Данил собрался его окликнуть, как услышал странный, неприятный голос. Голос доносился из за окна. Артёмка заворуженно смотрел в тёмный прямоугольник и не двигался. Приглядевшись, Данил увидел за стеклом белое лицо с красным клоунским носом и широкой улыбкой.

– Вот ты и попался, гад, – подумал Данил, и решил затаиться, чтобы не спугнуть мерзавца раньше времени.

Мерзкий клоун улыбался во весь рот, напевая песенку сухим скрипучим голосом, а после поманил Артёма пальцем, и мальчик медленно шагнул в сторону, зиящего отверзстой пастью, дверного проёма. Данил, выждав несколько секунд, крадучись, последовал за ним. В здании царила кромешная тьма и пахло сыростью, пол усыпан был кирпичной крошкой и битым стеклом.

– А этот гад похоже обладает даром гипноза, ни один ребёнок добровольно сюда не зайдёт, тут и взрослому-то жутко.

Данил поежился и, увидев впереди два силуэта, поспешил следом, стараясь не шуметь. Он хотел взять незнакомца в клоунском одеянии с поличным, поэтому решил не выдавать своё присутствие раньше времени.

Они шли по широким коридорам, петляя, то поднимаясь наверх, то спускаясь вниз. Данил и сам уже запутался, в какой части здания они в данный момент находятся. Клоун держал Артёма за руку и не переставая, что-то говорил, указывая взмахом руки то влево, то вправо. Артёмка восторженно смотрел по сторонам, видимо перед его глазами представало нечто иное, чем эти мрачные стены, покрытые плесенью и тленом.

«Экскурсия» видимо подошла к концу и клоун направился к двери, ведущей в подвал.

– Так, пора брать этого уroda, – подумал Данил и, выпрыгнув из тени, подскочил к клоуну и замахнулся для удара.

То, что произошло после, Данил, много лет профессионально занимавшийся борьбой, не мог объяснить. Клоун, стоявший к нему спиной, не оборачиваясь, поднял вверх руку и некая невидимая волна мгновенно сбила Данила с ног и отшвырнула в сторону, ударив о стену. Артёмка даже

не повернулся, словно ничего не слышал.

Данил был в полном недоумении, однако расслабляться было нельзя. Теперь, когда он обнаружил себя и показался, промедление могло стоить жизни и ему, и маленькому мальчику. А последнего Данил допустить не мог. Поэтому, быстро поднявшись на ноги, он вновь подскочил к клоуну и в этот раз нанёс удар. Рука его погрузилась во что-то противное и липкое, словно в мясной фарш, причём гнилой – с жутким запахом и вонью, такой зловонный, что Данила вывернуло на бетонный пол.

Клоун стоял, наблюдая за ним, и ухмыляясь. Глаза его светились в темноте как у зверя. Жуткая улыбка, от уха до уха, растянулась на безжизненно-белом лице. Парик упал на пол и теперь чёрная копна густых волос развевалась на его голове от сквозняков, гуляющих по зданию. Он подошёл ближе и взял Данила за шкуру, словно котёнка, а после поволол его вниз по лестнице, при этом не выпуская из другой руки ладони Артёма. Швырнув Данила к стене, клоун снова взмахнул рукой, и в подвале вспыхнули свечи, стоящие по углам.

– Мне давно нужен был такой как ты. Сильный, смелый. Ты мне нравишься. Я хотел вернуться сюда в теле ребёнка, чтобы начать всё заново. Но у меня ничего не вышло.

Много лет назад у меня обнаружили опухоль, жить мне

оставалось недолго и я заключил сделку с тем, кому служил много лет. Он обещал вернуть меня после смерти обратно. Но тело, в которое я вернусь, я должен был найти сам. Я начал искать, ещё тогда, при жизни. Но ничего не выходило. Заклинание не работало. И однажды я понял, что сначала нужно уйти. Я не хотел погибать в медленных мучениях из-за проклятой опухоли и ускорил дело.

Клоун расхохотался.

– И вот теперь я снова ищу тело, в котором смогу прийти в этот мир. У меня осталось много дел, знаешь ли.

И нежить склонилась над Данилом, улыбаясь своим бездонным ртом.

– Тогда отпусти мальчика, – ответил Данил, – Выведи его отсюда.

– Хм, а ты наглый, в твоём положении я поостерегся бы давать приказы.

– Если не отпустишь пацана, я буду бороться до последнего, не думаю, что тебе понравится жить затем в подпорченном теле, правда? А я не сдамся без боя.

Клоун хмыкнул и отвернулся. Данил быстро перекрестил его в спину. Подскочив и зашипев, как разъярённый зверь, нежить прыгнула одним прыжком к парню:

– А вот этого делать не смей. Не люблю я этого. Иначе не посмотрю, что мне нужна твоя оболочка.

– Выведи мальчика!

– Заткнись, сиди и помалкивай.

Клоун раскрыл, невесть откуда взявшуюся, книгу и принялся громко читать на непонятном резком языке. Данил почувствовал, как в голове стало тяжело и мутно, мысли поплыли будто в тумане, перед глазами прыгали блики пламени от множества свечей. Из последних сил Данил притянул к себе Артёмку, всё это время неподвижно стоящему у стены, к себе. Тот не сопротивлялся. Парень прижал мальчика к себе, крепко обняв.

Данил несколько раз пытался встать на ноги и попытаться дать отпор этому гаду в клоунском костюме, но силы оставили его, он весь был словно тряпичная безвольная кукла. Время замерло в старом заброшенном здании.

И вдруг раздался грохот, дверь в подвал с шумом распахнулась и на пороге появился немолодой уже мужчина. Клоун перестал читать и с любопытством воззрился на гостя.

– А это ещё кто к нам пожаловал?

– Что, не узнаёшь меня, тварь?

Клоун вгляделся в лицо пришедшего.

– Ба, да неужели это ты? Время, однако, сильно тебя потрепало.

И повернувшись к Данилу, клоун изрёк:

– Извольте представить вам, господа, заслуженного арти-

ста цирка, укротителя тигров – Ярослава!

– Что же вас привело к нам, Ярослав?

– Давние счёты.

– Ох, да неужто? – расхохотался клоун, – И какие же? А ты злопамятен, столько лет держать на меня обиду за маленькую шалость.

– Маленькая шалость? – мужчина сжал кулаки, – Ты погубил мою любовь. Мы с Элей должны были пожениться, а ты убил её, тварь. Да, доказательств не было, но мы все знали, что это ты.

– Хорошо, признаюсь – это был я, – притворно расстроился клоун.

– Я много лет ждал этого часа, – ответил укротитель, – Думал, что уже не удастся отомстить тебе, ведь ты ушёл, как трус, но теперь моё время пришло.

Клоун рассмеялся ему в лицо:

– Ты? Ты угрожаешь мне? Безумец! Что ты можешь?

– Больше, чем ты думаешь, исчадие ада, я готовился к этой встрече.

– Да ты что? Изучал древние манускрипты?

– Что-то вроде того. Я даже ездил в Индию. И кое что нашёл для тебя.

Клоун внимательно посмотрел на укротителя. В ту же минуту тот выхватил что-то из-за пазухи, приставил прямо к лицу твари и начал громко читать слова. Данил ничего

не понимал, это было то ли некое заклинание, то ли ещё что.

Но клоун вдруг осел, резко переменявшись в лице. Глаза его дико вращались в орбитах, рот перекосило, а плоть начала разлагаться на глазах у всех, одежда истлела, превратившись в лохмотья. Он пытался встать, но не мог. А Ярослав всё читал и читал на непонятном языке. Внезапно клоун обмяк и упал на пол, тело его стало чёрным, словно после огня, и вот уже одни кости лежали перед Ярославом.

Мужчина подошёл ближе и воткнул между рёбер тот предмет, что держал всё это время в руках, а после, оглянувшись на Данила, устал сказал:

– Вот и всё, мужики, вот и всё.

И рухнул на пол рядом с тем, что было недавно клоуном.

На улице давно светила полная луна. Моросил мелкий дождь. Данил выволок Ярослава на свежий воздух и тот потихоньку пришёл в себя и присел на землю. Отдышавшись, он сказал:

– Эта тварь больше не вернётся. Я знал, что однажды он придёт снова, и потому объездил пол мира, чтобы найти способ его уничтожить. И вот однажды в Индии я попал к одному мастеру, и он помог мне. Я прожил рядом с ним два года. Здесь меня никто не ждал после смерти Элочки. Мастер на-

учил меня многому, и дал предмет, способный запереть демона в теле. Этот нож ты видел сегодня. Теперь я могу жить спокойно. Он больше никому не навредит.

– А если кто-то обнаружит эти кости и вытащит нож?

– Нет, мастер сказал, что кости превратятся в прах вместе с ножом при первом же восходе солнца, никто не найдёт их. А до него уже недолго, – Ярослав взглянул на часы и улыбнулся.

– Дядя Данил, а что мы тут делаем? – подал голос Артёмка.

– Артём! Ты оклемался! – Данил подхватил мальчишку на руки и крепко обнял.

– Ну что, идёте домой? – сказал Ярослав.

Двое мужчин и мальчик уходили всё дальше от заброшенного цирка, в подвале которого лежала груда пепла с торчащим из неё клинком рубинового цвета.

Глазливая

– Вон опять идёт, и что она всё ходит и ходит, и дождь ей не помеха.

– Да она, поди, и не чувствует его, дождя-то?

– Да кто её разберёт, дурную.

По скользкой, размытой дороге, чвакая босыми ногами по грязи, неспешно шла молодая девушка. Она то и дело останавливалась, обращала к серому небу, обнесённому тяжёлыми брюхатыми тучами, своё худенькое личико и стояла так блаженно улыбаясь.

– Тьфу ты, одно слово Глазливая, – две бабы наблюдали за девушкой из-за плетня, стоя под навесом.

– Ведь в одном платье да платке, простудится поди?

– Да ты хоть раз видела, чтобы она хворала? Её не берёт хворь.

– А вот я уже продрогла чего-то, идём в избу что ли, самовар поставим, согреемся.

– Идём.

Глазливая, как звали её в деревне, прошла мимо их избы, и пошла себе дальше под холодным осенним дождём. На самом деле имя у неё, конечно, имелось, Настасьей нарекли при рождении-то, да только лет с трёх уж, поди, никто её иначе, как Глазливая не величал. И не только потому, что бы-

ли у девчонки глаза неземные, огромные, в пол лица, а ещё и потому, что могла она предрекать будущее, да всё чаще о плохом говорила.

То ли было так оттого, что предупредить она о беде хотела, а о счастье-то чего предупреждать? То ли сама она ту беду приносила, кто знает. Да только лишь едва она лепетать начала, так вскоре и складно речи слагать стала, говорит, ровно песню поёт, так у неё слово к слову-то и складывается. И примечать стали в семье, как она что скажет, так тому и быть.

А вот с чего она такой стала, никто не знал. Разное баяли. Одни говорили, что Анисья, мать её, когда мужа потеряла, Настю как раз под сердцем носила, от горя-то и спортился ребёночек внутри, потому и родилась такая девчонка, не в себе. Другие говорили, мол, ночницы её подменили, когда она младенцем была, не человек, мол, она вовсе. Третьи и вовсе баяли, ведьма она. Но последним никто не верил, безобидная была Настька-Глазливая, мухи не обидит. Только и знает, что ходит по деревне, молчит да улыбается. А если вдруг стихами заговорит, то вот тогда уж жди беды. В остальное же время вреда от её не было.

Жила она вдвоём с матерью в небольшой избёнке, бабушка с дедом были, да те умерли давно. Красивая была девка,

волосы, что огонь, рыжие-рыжие, глазищи голубые, огромные, глянет на тебя, словно в озеро упадёшь бездонное, сама стройная, тоненькая, как берёзка молодая. Да вот ума Бог не дал. Блаженная получилась Настька.

А вот предсказаний её боялись. Бывало идёт она по деревне, в любую погоду босая да простоволосая, зимой лишь соглашалась валенки надеть с телогрейкой, да шалёнку худую на голову накинуть. Идёт-идёт, улыбается чему-то, сквозь людей глядит, да вдруг на одного кого-то бросит взгляд, и будто очнётся, подбежит ближе, и давай говорить человеку то да сё, да всё складно так, да нараспев.

Поначалу посмеивались только, когда малая она была. Дивились, надо же, такая махонькая, а как ладно сказывает. А как изба сгорела у Митиных, так и спохватились, да ведь Настька вчера про это песенку свою пела.

Мартын Митин у двора плетень поправлял, а Настька трёхлетка к нему приковыляла, они в соседях жили-то, через дом, встала и смотрит, как он работает. Смотрела-смотрела, а после и затянула:

– Петя, красный гребешок

На заре на крышу скок,

Помахал своим крылом,

Был да нет, и сгинул дом.

Мартын ещё и посмеялся, молодец, мол, ладно у тебя вы-

ходит. А ночью, перед рассветом аккурат, изба их и вспыхнула. Что откуда и не поняли. Всё сгорело подчистую, стены обугленные остались да труба печная. Тут-то и припомнил Мартын песенку про петушка.

Время летело. Росла Настька, стишки свои напевала изредка. Коситься люди начали на девчонку. Прогонять от себя. А та и сама к ним не больно шла. Любила она одна бывать, ни в ком не нуждалась. Другим девчонкам подружки нужны, вместе венки плести, с горочки кататься, секретничать. А Глазливой и одной хорошо. И всё-то она улыбается.

– А какие у ей печали? – фыркнут бабы, – Мать спину гнёт а эта всё по улицам шатается. Нет, чтобы матери помочь по хозяйству.

Одним гибель напророчит, другой калекой станет, у третьих ребёночек захворает, у четвёртого корова в болото забредёт. И всё свои прибаутки она напевает.

– У Дуняши сарафан,
Да коса до пояса,
Скоро вскроется обман,
Потеряешь мОлодца.

Дуняша пшикнет на неё:

– Пошла прочь, Глазливая! У-у, дура!

А спустя время глядят люди, а свадьба-то у Дуняши с Захаром разладилась. А всё оттого, что бабка Поля, что на деревне за знахарку считалась, сказала Захару, что приворот на нём, приходи, мол, вечером ко мне, помогу. А после того, как сняла бабка Поля чары, так дурман и вышел с Захара, и на Дуняшу – сварливую, злую девку – он и глядеть не захотел.

– Как у нашего Игната
Закрома зерном богаты,
Ты б не жадничал, Игнат,
Сам добру не будешь рад.

В ту же ночь буря разыгралась, крыши разметала, деревья с корнем повыворачивала, а у Игната-богача, жадного да хитрого, весь амбар разнесло, зерно по ветру раскидало, дождём побило, испортило. А ведь просил у него накануне Егор-бедняк, хоть горсточку муки, детям болтушку сварить. Детей у него мал-мала меньше. Не дал Игнат, прогнал со двора.

– Ночь пройдёт, пройдёт другая,
Зыбка станется пустая,
Больше некого качать,
Пестовать да величать.

А на третий день и правда в избе горе – младенчик уснул да и не проснулся.

– Это ты беду накликала, Глазливая! – рыдает мать, – Будь ты неладна.

А бабы шепчутся – мать-то ребёночка с собой спать положила да и заспала его.

Не любили Глазливую в деревне. Но не трогали почему-то, боялись словно. Да и тихая она была, кроме стихших вреда за ней не наблюдалось. А в один из дней случилось небывалое. Глазливую будто подменили. Растрёпанная, ошалелая, носилась она по улицам и орала в голос:

– Ой беда, беда, беда,
Затворяйте ворота,
Чёрный стелется туман,
Души он кладёт в карман.

– Да чего ты кричишь, тьфу на тебя! – прикрикнули на неё деревенские, – Опять беду кличешь, дурная!

А Настька всё не прекращает, кричит да кричит. Народ уже весь на улицу высыпал, кто крестится, кто плачет, кто у виска пальцем крутит, а кто-то и вовсе камень поднял да и бросил в девушку. Попал он ей прямо в плечо, сильно руку зашибло ей. Кровь потекла. А она и внимания не обращает, всё своё талдычет про чёрный туман какой-то.

Плюнули люди в конце концов, устав слушать это, да по домам разошлись. Спать пора, однако, уже потёмки на дворе. А с утра, как встали, то деревню родную и не узнали. Налетели на деревню чёрные вороны, столько их было, что покрыли они, как грозовая туча все крыши и деревья, сидели повсюду – на плетнях, и кадках, на земле, и хлеву, на дороге, и огородах. Бесчисленное множество каркающих чёрных птиц заполонило небо, так, что и солнца не видеть было сквозь их полчища.

Страшно сделалось людям, что за диво такое? Вышли они, было, на улицу, стали ворон прогонять, да не тут-то было. Одну смахнут с крыльца – три на её место садятся. Что делать? Пока думали да гадали, птицы с места снялись и полетели, и так их много было, что всё небо они собой закрыли. Только рано было радоваться. Не успели вороны скрыться, как с другой стороны деревни, с той, где лог был, туман пополз – густой, тёмный, липкий. Отродясь люди такого не видывали.

А как накрыл туман всю деревню и сделалось кругом темно да тихо, как ночью, так услышали люди, будто шёпот пробежал по улицам, зашелестело что-то, забормотало, потянуло, как сквозняком. И увидели люди, глядевшие сквозь окна на улицу, что идёт по дороге старуха. Сгорбленная вся,

страшная, в чёрное тряпье замотанная с головы до ног. Идёт на палку сухую опирается, да нараспев читает что-то.

Вовсе жутко стало людям. Не из своих бабка эта была. Кто она такая? Что бормочет себе под нос? И что за туман всю деревню накрыл пеленой? А старуха посреди деревни остановилась, руками повела, к небу их подняла, да закричала что-то страшным голосом, слов не разобрать. И начали люди на улицу выходить, как заморожённые.

Вся деревня перед старухой собралась, против воли своей пришли. А та хохочет радостно, руки потирает. Начала она по кругу кружить да к каждому подходить и пальцами до лба дотрагиваться. До кого дотронется, тот замертво падает. Вой поднялся, кричат люди, плачут, а сделать ничего не могут, ноги словно чугунные, не могут с места сойти.

И вдруг, откуда ни возьмись, Глазливая идёт. Хоть бы что ей! Не берет её морок старухин. Подошла и встала в стороне – строгая, прямая. Люди замолчали, на неё уставились, отродясь они Настьку такой не видали. Всё она с улыбкой блаженной да стишками своими плясала по улицам. А тут стоит будто и вовсе умная девка перед ними, глаза ясные, лик строгий, глядит она глазищами своими прямо на старуху и говорит:

– Что, снова тебе неймётся, ворона старая? Опять по души

пришла в мир людской?

Захохотала старуха, затряслась мелко-мелко:

– Да и ты я вижу тоже здесь? Давно ли? Сколько тебе нынче годков?

– Сколь ни есть все мои, – пресекла её Глазливая, – Пошла прочь с моей деревни.

– Ох-ох, испугала! Возьму своё и уйду.

– Нет тут твоего, карга!

– А это мы поглядим, – ответила злобно старуха.

Подошла она к Ивану, парню молодому да статному, стоит тот перед ней ровно каменный, слёзы только из глаз сами льются. Сила в парне недюжинная, а стоит и сделать ничего не может, сковала его ведьма проклятая. Только было подняла старуха руку, чтобы ко лбу его притронуться, как упала Глазливая на землю, затряслась, забилась, а после вытянулась вся в струнку и замерла. И вдруг изо рта её голубица белая выпорхнула и на старуху кинулась.

Каркнула та по-вороньи и вороной оборотилась. Сцепились они в воздухе, только перья летят. А люди стоят и помочь не могут, нет сил пошевелиться. Лишь смотрят что-то дальше будет. А голубица клюёт и клюёт каргу, но вот изловчилась та и подмяла голубицу. У той крыло-то одно подбитое было. Вспомнили люди, как вчера кто-то камнем в Глазливую бросил да руку ей сильно зашиб.

Погибать стала голубица, до крови её ворона клюёт. И тут вдруг Иван силу в руках почувял, видать всё же ослабели чары карги старой. Схватил он палку с земли да и ударил ею, зашиб ворону. А голубица белая на земле лежит, не шевелится. Тут туман спадать начал, рассеялся, солнце выглянуло. На месте карги старой лишь горстка перьев чёрных осталась. И голубица пропала, как не было. А на её месте Глазливая лежит.

Подбежали люди к Настьке, руки-ноги ей растирают, а она не слышит, не видит, словно мёртвая лежит. Плачут люди над спасительницей своею да не откликается она. Тут бабка Поля подошла, расступились люди, замолкли.

– Попробую я ей помочь.

– Баба Поля, что за голубица то была?

– Душа это была Настина. Старуха та чёрная – неживая она, из мира мёртвых приходила, потому и не могут с ней живые бороться. Вот Настя и отдала жизнь свою, чтобы старуху победить, чтобы из тела своего выйти да в бой вступить с мёртвой ведьмой.

Опустили люди головы, тоска их взяла, всю жизнь они над Настькой потешались, за дурочку принимали, а она непостояная, видать, была.

– Спаси её, бабка Поля!

– Да уж попробую.

Достала бабка из кармана траву сухую, подожгла, вокруг Насти три круга обошла, после деревяшку какую-то кругленькую достала, навроде медальончика, на грудь ей положила, да как ударит вдруг по тому месту. И открыла Настька глазищи свои голубые, вздохнула, на людей оглянулась. А те от радости плачут, благодарят спасительницу свою. Долго ещё не расходились. Говорили да обнимались.

И вот что интересно, с той поры Глазливая-то обычной девкой сделалась. Ни стишков своих не читала, ни босая в дождь и снег не бегала, косу стала заплетать, речи умные говорить. А когда про старуху ту её спрашивали, отмалчивалась, а то отвечала, мол, не было такого, не помню ничего. То ли и вправду не помнила, то ли нарочно так сказывала.

А немного времени спустя Иван к ней посватался. Свадьбу на Покров сыграли. Зажили как все. И не было, говорят, в той семье никогда разладу.

Проклятие цыганской усадьбы

Этот странный и вычурный дом с лепниной, стрельчатыми окнами и миниатюрными балкончиками, на которых едва ли смог бы поместиться кот, стоял в самом центре оживлённой улицы. Дом обнесён был высоким забором и, кроме того, закрыт был со всех сторон разросшимся старым садом, сквозь густо переплетённые ветви деревьев едва проглядывали пара балкончиков и колонны крыльца.

Дому было много лет. Поговаривали, что выстроил его для своей семьи какой-то цыганский барон, но прожили они в своём дворце недолго, один за другим умерли все дети, затем мать семейства, а после сгинул невесть куда и сам барон. То ли уехал подальше от невыносимого горя, то ли ещё что с ним случилось. В то время это особо не выясняли.

Спустя положенное время дом отошёл наследнику – младшему брату барона. Тот был парнем молодым и горячим. Переехав в такой дворец, закутил он по полной, ежедневные гулянки, попойки с друзьями и прекрасными девицами... Дежную часть наследства лихой цыган промотал уже в первые несколько месяцев. А затем принялся распродавать имущество. Друзья как-то быстро испарились, нарядные девицы не отплясывали больше по ночам в большой зале, уныние

и тишина поселились под высокими сводами.

То ли внезапно постигшая нищета была тому причиной, то ли что ещё, только вскоре нашли наследника лежащим на полу посреди той самой залы. Он застыл в позе молящегося человека – преклонив голову и сложив руки. Поскольку жены и детей у него не было, похоронили ромалы наследника всем табором, да и уехали прочь с этого места, бросив свои домишки, что стояли кучей на окраине городка. Старейшая цыганка табора сказала, что место это проклято, и через барона проклятие падет и на головы всего табора. Потому уходить нужно было с этих краёв.

После того долгое время дом стоял в одиночестве, несмотря на то, что кругом кипела жизнь, по улице сновали повозки и люди, кричали торговцы, зазывая покупателей, ребяташки катали обручи и гонялись за голубями, весело хохоча. Шли годы, сменялись эпохи, но над домом время было будто бы не властно. Он стоял совершенно нетронутый ветрами и дождями, здесь не бывали расхитители имущества и просто мелкие озорники, здесь не ходили даже кошки.

Кругом перестраивались здания и мостились дороги, менялись наряды прохожих и автомобили, но цыганская усадьба, как прозвали её в народе, стояла цела и невредима. Это казалось невероятным, но даже стёкла за ажурными решёт-

ками высоких стрельчатых окон оставались целыми.

Конечно же были попытки властей занять данное здание и устроить в нём что-то полезное для города, однако всё было безуспешно. Срывались сделки, ломалась техника, рабочие отказывались вдруг работать по непонятным причинам, и вновь дом стоял в безмолвном одиночестве своём, лишь иногда мелькал в тёмных окнах блуждающий голубоватый огонёк.

Так было до того дня, пока на ступенях старого дома не оказалась девочка. На вид ей было лет двенадцать, худенькая, с коротко стриженными чёрными волосами и бездонными голубыми глазами на бледном личике. Девочка одета была в потёртые джинсы и безразмерный свитер непонятного цвета, по всей видимости бывший когда-то зелёным.

Поморщившись, она потёрла с досадой локоть, на котором красовалась свежая ссадина от острого сучка. Она ободрала руку, пока пробиралась сквозь эти дебри к крыльцу. Девочку звали Юлька. Три недели назад она в очередной раз сбежала из ненавистного детдома. Это была далеко не первая попытка её побега, но ещё ни разу Юльке не удавалось уйти так далеко.

На этот раз она добралась до города, в который давно меч-

тала попасть, потому что где-то здесь должна была жить её мама. Детдом, в котором Юлька жила практически с рождения, попав сюда из дома малютки, располагался в райцентре. Конечно Юльке всегда говорили, что она круглая сирота, но она-то знала, что это не так. У неё была мама.

И однажды, когда она доняла вконец дородную няню Каролину Петровну своими расспросами, та бросила в сердцах:

– Да жива, жива твоя мама!

– Вот, я же знала! – обрадовалась Юлька, – А адрес её вы знаете?

– Восточная, 35, – ответила Каролина Петровна первое, что пришло ей в голову.

Но Юлька-то была не дура. Няня думала, что девчонка тут же забудет и название улицы и номер дома, как и сама Каролина Петровна. Но не тут-то было. Юлька прибежала в комнату и старательно, высунув язык, с усердием вывела на листе своего блокнота – улица Восточная, дом 35.

После этого она твёрдо решила найти свою маму. Однако для этого было небольшое препятствие – одних их никуда не отпускали. Но Юлька нашла выход. Она принялась сбегать. Правда её каждый раз возвращали, но зато Юлька выяснила, что в их райцентре да и в ближайших городках и деревнях нет такого адреса. Но вот город N, мегаполис в их об-

ласти, был огромен, и уж там-то наверняка была улица с таким немудрёным названием. Теперь Юлькиной целью стало добраться до этого города. И сегодня цель её была осуществлена.

Правда дом, располагавшийся по адресу Восточная 35 оказался вовсе не таким, каким она его представляла. Это был настоящий дворец, но совершенно нежилой, спрятавшийся за кустарником и деревьями, которые переплелись между собой ветвями. Юлька тихонько толкнула дверь, понимая, что вряд ли та окажется незапертой. Дом был похож на сказочный дворец или музей, но никак не на дом.

На удивление Юльки, дверь легко поддалась и бесшумно отворилась. Знала бы она, сколько поколений людей пытались открыть, сломать, проломить, выкорчевать эту дверь, и никому она не поддалась. И вот сейчас старинная дверь распахнулась, словно невесомая вуаль, от одного лишь лёгкого дыхания девочки.

Юлька, осторожно просунув в образовавшуюся щель свой курносый носик, огляделась и затем вошла. То, что она увидела заставило её замереть от восхищения на месте. Раньше подобное она видела разве что в кино, которое им разрешали смотреть по выходным. Высокие подсвечники, стоящие вдоль стен, хрустальная люстра, свисающая длинными нитя-

ми с потолка – Юлька тронула их и они зазвенели, переливаясь.

Бархатные кресла и диванчики с гнутыми короткими ножками разместились тут и там. Тяжёлые портьеры прикрывали окна. Картины на стенах были настоящим произведением искусства. На круглом столике стояла ваза с засохшими цветами. Юлька подошла ближе и прикоснулась пальчиками к увядшим лепесткам, в ту же минуту цветы рассыпались в пыль.

Юлька восхищённо глазела по сторонам, блуждая из одной комнаты в другую. Это было царство спящей царевны, сказка, ставшая былью. Великолепие старины и покрытая пылью роскошь царили кругом.

– Неужели моя мама настолько богата? – подумалось Юльке, – Тогда почему она оставила меня? Быть может ей не позволили строгие родители? Может она родила меня будучи не замужем? Но где же она? Тут никто не живёт уже давным-давно... И всё же странно, здесь не ступала нога человека кажется уже сто тысяч лет, но при этом всё на своих местах. Как же всё это не украли?!

Девочка взяла в руки большой стеклянный шар, стоявший на столике, подножка его была сделана, похоже, из чистого золота. Юлька протерла шар рукавом свитера и он вдруг

засверкал от упавшего на него луча солнца, клонившегося к западу. Кровавый закат отразился на поверхности шара, скользнул внутрь и рассыпался там сотнями искр. Юлька замерла от красоты увиденного. Она осторожно поставила шар на место и с любопытством уставилась в него.

Внутри множилось отражение мебели и картин, что висели на стенах, преломлялось, расплывалось и плыло вдаль.

– Какая забавная вещица, – восхитилась Юлька.

Внезапно внутри шара что-то мелькнуло. Юлька насторожилась, это движение не похоже было на простое отражение.

– Оно было, – Юлька не могла подобрать слов... – Живым!

Девочка испуганно попятилась, уперлась спиной в стену, замерла в ожидании чего-то неизведанного и страшного.

Шар вдруг вспыхнул, задрожал, затрясся, и маленькая голубоватая точка появилась в его центре. Голубая звездочка все росла и росла, и вот уже сияние её вышло за пределы шара, расплылось по комнате, в которой царили сумерки, и, дрогнув, начала принимать очертания.

Юлька сидела на полу, вжавшись в угол, и ничего не сообщая от ужаса. Перед ней в голубоватом свете стояла юная девушка. Волосы её спускались по плечам почти до самого пола, тонкие черты лица были прекрасны и нежны. Она под-

няла тонкую руку, приветствуя гостью этого дома, и Юлька услышала тихий, мелодичный голос.

– Здравствуй, Юлия!

– Откуда ты знаешь моё имя? – осмелев спросила Юлька.

– Мы всё знаем и всё видим.

– Кто это – мы?

– Те, кто не живые и не мёртвые.

Юлька, вытаращив глаза, посмотрела на девушку:

– Ты хочешь сказать, что ты... Не живая... Погоди, призрак что ли?

– А не похожа? – грустно улыбнулась девушка.

– Я думала ты, ну, к примеру, голограмма какая-нибудь...

Ну не верю я в привидений!

Девушка подошла ближе к девочке:

– Но тем не менее, так оно и есть. Я призрак или неуспокоенная душа.

– А почему ты не покой... Неуза... Как там?

– Неуспокоенная.

– Да.

Девушка вздохнула.

– Я расскажу тебе свою историю. А ты можешь поверить в неё или же нет, но я бы очень хотела, чтобы ты поверила.

Юлька, видя, что девушка не причинит ей вреда, осмелела окончательно и даже подобралась поближе к ней, присев на пыльное бархатное кресло.

– Слушай. Давным-давно в этом городе жили цыгане. Они не были кочевниками. Их дома стояли за городом, на берегу реки. Их барон, человек богатый, однако, не захотел жить вместе со своими, а выстроил целый дворец в центре города, выкупив под строительство землю у нескольких лавочников. Барон владел просто невыносимым состоянием. Но насколько он был богат, настолько же он был злобен, жесток и властен. Деньги мало кого делают лучше и он не был исключением. Тем более богатство его явно было не праведно нажитым.

И как на грех влюбился этот жестокосердый человек в прекрасную юную девушку из дворянской семьи. Он грезил о ней день и ночь, желая иметь её у себя, словно замороженную диковинную птичку, что жили в его дворце в золоченых клетках.

Но получить её замуж было, конечно, невыносимо. Несмотря на всё его богатство слишком велика была пропасть между их сословиями. Да и не одна в здравом уме не пошла бы за него, слишком он был жестоким.

В слепой ярости барон выждал однажды момент и подкараулил эту девушку. Она гуляла в своём саду. Он связал ей руки и завязал глаза и рот, приволок её в свой дворец и здесь надругался над нею. А после всего стал предлагать ей все

свои богатства, чтобы она согласилась стать его женой, смеялся над нею, мол, выбора у тебя теперь всё равно уже нет, кому ты нужна, порченная, позор для семьи.

А когда девушка плюнула ему в лицо, он рассвирепел и ударил её. Девушка упала навзничь. Но это не остановило его, он продолжал до тех пор, пока она не перестала дышать. Тогда он поднял её и отнёс в подвал. Там, в стене, он замуровал тело так, что не видно было и следа, ведь дом был новым и каменная кладка свежей. Конечно девушку долго искали, но она исчезла бесследно. Против барона не нашли улик. Спустя всего месяц он женился на одной из своих, сделав несчастной ещё одну судьбу. Он не любил её.

Шло время, у барона с женой стали рождаться один за другим дети. Но все они умирали, не дожив и до года. Никто не мог найти причину этого. Затем умерла и жена барона. А он сам в страхе сбежал из своего дворца.

– Что же его так испугало? – спросила Юлька.

– Я старалась, – улыбнулась девушка.

Юлька понимающе кивнула :

– Этой девушкой была ты?

– Да.

В комнате воцарилось молчание.

– Значит моя мама никогда не жила здесь?

Призрак грустно покачал головой.

– Значит Каролина Петровна обманула меня? Ну что ты молчишь, вы же всё знаете! Где моя мама?! Скажи мне, скажи! Я жила этой мечтой, ожиданием встречи...

Девушка подошла к Юльке:

– Твоя мама тебя очень любила и она не бросала тебя. Когда ты родилась, мама сильно заболела, она долгое время находилась на грани между жизнью и смертью. В это время её родители, твои бабушка и дедушка, не очень благополучные люди, забрали тебя к себе, так как отец твой бросил маму, лишь узнав о её положении.

Но заботы бабушки и дедушки хватило ненадолго, ты мешала им пить и кутить с собутыльниками своим плачем, а поскольку они уже потеряли человеческий облик, да и думали, что мама твоя уже не придёт в себя, то они подбросили тебя к дому малютки.

– Они живы?

– Давно уже нет. Их образ жизни слишком был далёк от здорового.

– А мама? – спросила Юлька, глотая подступивший к горлу, комок.

Девушка улыбнулась:

– Твоя мама жива, она ищет тебя все эти годы.

Юлька подскочила и в волнении прижала руки к груди:

– Но почему она до сих пор не нашла меня?!

– Твои бабушка и дедушка постарались отвезти тебя по-дальше от родного города.

– Скажи мне как найти её! – Юлька подскочила вплотную к призраку, но та быстро отшатнулась.

– Осторожнее, тебе нельзя прикасаться ко мне!

А помолчав немного, ответила:

– Я помогу тебе, если и ты поможешь мне.

– Но чем я могу тебе помочь, – удивилась Юлька.

– Я не могу покинуть этот дом.

– Почему?

– Умирая, я прокляла барона и весь его род. Это было моей ошибкой. Я ведь была невинноубиенная, и не прокляни я его, отправилась бы сразу в рай. Но теперь этот грех проклятия не отпускает меня, я прикована навсегда к этому месту. Поначалу я даже радовалась, когда смерть уносила жильцов дворца одного за другим. Но потом...

Призрак вздохнул.

– Я так устала. Я мечтаю обрести покой так же сильно, как и ты хочешь найти свою маму, понимаешь?

Юлька кивнула.

– Понимаю, но я не знаю как помочь тебе.

– Я научу тебя. Для начала ты должна вернуться в детский дом. Затем ты пойдёшь в антикварную лавку вашего города

и отдашь владельцу лавки вот эту вещицу, – девушка указала пальцем на большой кулон, лежащий на столике.

– Но ведь он спросит документы и где я его взяла, ещё чего доброго вызовет полицию.

– Об этом не беспокойся, хозяин лавки слишком скуп и жаден до такого богатства. Тем более он не даст тебе и десятой доли стоимости этого кулона, откупится копейкой. Но это не страшно, тебе сполна хватит этой суммы. Не торгуйся с ним.

Дальше ты должна будешь заказать сорокоусты о помине души Елизаветы в сорока церквах. А после ждать.

– Чего ждать?

– Увидишь. Если Господь простит меня, то ты поймёшь это. А сейчас ложись спать. Не бойся, тебя никто не тронет в этом доме. Двери открылись впервые за много лет лишь для тебя.

– Но почему они открылись? – спросила Юлька.

– Потому что мы с тобой одной крови.

– Как же так?!

– Ты прапраправнучка одного из моих братьев, Юлия.

А сейчас ложись, утром отправишься в путь.

Наутро Юлька проснулась на одном из диванчиков, что стояли в гостиной. Отряхнувшись от пыли, она огляделась по сторонам. Всё, случившееся вчера, казалось ей сном.

Но на столике лежал тот самый кулон с огромным рубиновым камнем. Юлька положила его в рюкзачок и, открыв входную дверь, вышла на крыльцо. Немного постояв, она вдруг спохватилась, и резко повернула обратно, намереваясь забрать с собой и тот стеклянный шар, из которого накануне появилась девушка. Но как она не толкала тяжёлую, дубовую дверь, та не поддавалась ей. Она закрылась навечно. Юлька вздохнула и начала продираться сквозь заросли. Оглянувшись на прощание, она увидела, как в одном из высоких стрельчатых окон мелькнула голубоватая звёздочка и тут же погасла.

Юлька всё сделала так, как просила её девушка из проклятого дома. Прошло несколько месяцев. В жизни Юльки ничего не менялось и она не знала, сумела ли она помочь несчастной.

Но в один из дней Юльку вызвали в кабинет директора. Войдя, она увидела помимо взволнованного директора, сидевшую на стульчике женщину. Женщина поднялась навстречу Юльке и остановилась, не в силах что-либо произнести. По её щекам текли слёзы. Юлька замерла, пораженная... Она всё поняла. Не умом, нет, но сердцем.

– Мама!!

Они кинулись навстречу друг другу и, обнявшись, плакали и смеялись, как сумасшедшие. А директор стоял в стороне и качал головой, не в силах поверить в чудо.

– Ты нашла меня, мама...

А в те самые минуты, когда Юлька встретилась с мамой, за много километров от них, в большом и шумном городе, внезапно рухнул старый особняк, о котором ходило множество легенд, перепугав прохожих. Очевидцы пытались было, пробравшись на руины, отыскать там сокровища барона, да только не нашли ничего, кроме груды камней и битого стекла. Всё обратилось в прах.

Позже, когда специальные службы разбирали завалы, в самом низу обнаружен был скелет, но едва к нему прикоснулись он рассыпался в пыль.

Юлька увидела репортаж об этом по телевизору, когда мама готовила на кухне ужин, и тихо улыбнулась:

– Ты обрела покой, Елизавета, спасибо тебе за маму...

Зеркало

Валерия работала врачом в районной поликлинике недавно, буквально около года, когда её подруга Дарья позвонила ей и сообщила, что нашла для неё классное местечко. В их больницу скорой медицинской помощи срочно требовался невропатолог, двое коллег ушли в декрет, и теперь кадров остро не хватает, их и всего было четверо, а теперь и вовсе осталось всего двое врачей на отделение неврологии.

– А больница у нас, сама понимаешь, обслуживает и город и всю республику! Огромное количество пациентов проходит ежедневно. Так что давай, Лерка, не думай долго, а собери чемодан и к нам! Хватит тухнуть в своём районе. Здесь за год столько опыта наберёшься, что профессором станешь! Это же отличный шанс для роста. Значит так, жду тебя, и постарайся уволиться без отработки. Ну договорись там, наври что-нибудь.

Дарья повесила трубку, убеждать она умела ещё со времён студенчества, яркая, упорная, смелая и шумная, она была полной противоположностью Валерии. И тем не менее все пять лет института девушки были неразлучными подругами. А после окончания учёбы Дарья сумела попасть в самую крупную больницу их столицы, Лера же осталась в родном

городке и устроилась в небольшую районную больницу.

Валерия думала всего один вечер и на следующий день уже пришла в отдел кадров с заявлением, а через две недели ехала на автобусе в столицу. Договориться без отработки всё же не получилось, некому было работать. Но Дарья пообещала всё устроить, Лерку подождут. Подруга встретила Валерию на вокзале. После шумного приветствия и объятий, девушки поехали на квартиру, которую снимала Дарья.

– Поживём пока вместе, а там посмотришь. В принципе можешь и со мной оставаться, вторая комната свободна.

Но Лера знала, что у Дарьи есть кавалер, как она его называла, смеясь – молодой преподаватель из института, с которым они познакомились на дне рождения у каких-то общих друзей.

– Дашуль, я поживу только до первой зарплаты, хорошо? А там сниму себе отдельное жильё, не хочу вас напрягать.

Время на новой работе полетело стремительно. Дежурства, приём больных на первом этаже, консультации, ведение пациентов в отделении. К тому же люди поступали тяжёлые, ведь сюда везли тех, кому не могли помочь в маленьких районных больницах. В общем работы хватало. Валерия полностью погрузилась в свои обязанности. И вот первая зарплата, которой Валерия была приятно удивлена. Тут хватит и на съёмную квартиру, конечно на самую простень-

кую, не в центре, но всё же, и на житьё-бытьё.

После недолгих поисков, Лера остановила свой выбор на уютной однушке, которую сдавала приятная пожилая женщина. Как она объяснила, это была квартира её умершей мамы, и вот уже лет пять, как она её сдавала жильцам. Лера переехала в тот же день, оплатив квартплату на месяц вперёд. Дни на новом месте потекли один за другим. Леру всё устраивало в новом жилище, тихий спальный район, продуктовый магазинчик рядом с домом, правда ремонт в квартире был ещё советских времён, однако было чистенько и вполне опрятно.

Однако с первого же дня Валерия заметила одну странность, она всё время ощущала, словно находится не одна в квартире. Это сложно было объяснить, она не слышала никаких непонятных звуков и не видела всякого рода теней, но всё же её не покидало чувство, что рядом кто-то есть. Через некоторое время появился внутренний дискомфорт, это ощущение невидимого присутствия стало весьма напрягать Леру, и она решила завести котёнка – всё веселее вдвоём.

– Это однозначно от переутомления, – решила она, – Работа довольно напряжённая, ответственная. Вот я и устаю.

С котёнком Тишкой стало веселее, но вскоре Лера почувствовала недомогание, которое появлялось только в кварти-

ре. Если она оставалась на ночное дежурство в отделении, то всё было отлично.

– Что же это со мной? – недоумевала девушка, – Пожалуй, нужно пройти обследование.

Но все анализы показали норму. Лера махнула рукой – значит ничего серьёзного, пройдёт.

Однажды вечером, когда Валерия принимала душ после рабочего дня, она вдруг явно ощутила на себе чей-то взгляд. Вздрогнув, девушка обернулась – никого. Дверь в ванную была приоткрыта и сквозь небольшую щель видна была входная дверь с висящим на ней большим зеркалом, дверь располагалась как раз напротив ванной комнаты. Тишка как-то странно выгнул спину и зашипел, глядя в ту сторону.

Лере стало не по себе. Наскоро смыв с себя пену, она накинула халат, и вышла из ванной. В длинной полутёмной прихожей, конечно же, никого не было. Но откуда же это гадкое чувство страха внутри и почему котёнок так отреагировал? Лера прошла на кухню и налила себе чашку чая с мятой. В прихожей что-то стукнуло. Валерия поспешила туда, но то, что она увидела, повергло её в шок. Длинные белые пальцы торчали из зеркала, они шевелились и словно пытались ощупать пространство. Тишка истошно мяукал и шерсть его встала дыбом.

Схватив котёнка, Лера как была, в халате и босиком, выбежала в подъезд. Её трясло от ужаса увиденного. Она стояла, прижавшись спиной к своей двери, чтобы нечто, которое было в зеркале, не могло открыть её. Внезапно отворилась дверь в квартире напротив, и оттуда выглянула милостивая, пожилая старушка.

– Ты чего тут стоишь, дочка? Ты из 56-ой что ли будешь?

Лера кивнула, не в силах произнести ни слова.

– С тобой всё хорошо? Что-то на тебе лица нет. А ну-ка заходи к нам с дедом в гости.

Лера послушно, как ребёнок, пошла вслед за бабушкой.

Та усадила её на диван и закутала в большой тёплый плед.

– Давай-ка я твоему коту мясца дам, как раз гуляш готовлю. А ты согрейся, я пока чайник поставлю.

Спустя несколько минут они сидели на кухне – Лера, бабушка, дедушка – и пили чай. Лера немного оклемалась и могла говорить.

– Вы только не подумайте, я не сумасшедшая и не наркоманка, я доктор и комиссию мы проходим регулярно, в том числе и у психиатра. И спиртного я тоже не употребляю, совсем. Но я не знаю, как объяснить то, что произошло.

– Да что случилось-то? Расскажи, милая. Мы тут с дедом давно живём, всех знаем, обидел тебя кто? Дак мы с дедом поможем, не дадим тебя в обиду!

И Лера рассказала старикам о белых руках из зеркала,

о постоянном чувстве тревоги и того, что она в квартире не одна. Старики внимательно выслушали девушку, а после, вздохнув, старушка произнесла:

– Никак он не уgomонится.

– Кто? – удивилась Валерия.

– Да Борис, хозяин квартиры твоей.

– Да мне её сдавала женщина...

– Это дочка его, Бориса-то самого лет шесть или семь как нет в живых. Дрянной был мужик, прости меня, Господи. Нельзя, конечно, так о покойных, да иначе про него и не скажешь. Сейчас расскажу я тебе о нём. Слушай...

– В квартире твоей жила семья – мать Полина, отец Борис и дочка Верочка. Мы, можно сказать, все одновременно квартиры-то получили от завода. Верочке тогда года три было, а родителям её под тридцать. Полина хорошая была женщина, спокойная, тихая, приветливая. И дочка в неё пошла, девочка такая разумненькая, в гости, бывало, к нашим придёт, играют дружно. А вот Борис... Злой он был очень, весь какой-то в себе, хмурый, поздороваётся так, буркнет что-то себе под нос, и всё на этом. И на Полину он руки то и дело распускал. Все соседи слышали как он её бьёт.

Однажды соседи, те, что снизу, не выдержали, и милицию вызвали. Те приехали, забрали Бориса. Да только через трое суток вернулся он домой злее прежнего и снова за своё. И по-

чему Полина это терпела не знаем мы. Забеременела она вторым ребёнком, так и это Бориса не остановило, так и скинула Полина дитя...

К пенсии утихомирился вроде Борис, мы уж радовались, видать вышла вся дурь, может хоть на исходе лет поживёт Полина спокойно. Верочка тогда уже отдельно жила, замуж вышла. А однажды увидела я, как Борис на рынке у прилавка книжного стоит, выбирает что-то. Ну я подошла, поздороваться по-соседски, а он как зыркнет на меня, я аж похолодела. Как был бирюком, так и остался. А я краем глаза-то увидела, что он в руках держал. Подивилась. Книжки всё какие-то про магию, про тёмное. Тогда это всё в моду вошло, все к гадалкам бегать начали, про НЛО читать.

А после запил Борис. В такие запои уходил, что скорая еле откачивала. А я, Лерочка, грешным делом думала, и на что Полина так о нём печётся, об ироде этом. Могла бы и помедлить с вызовом. Всю жизнь он ей, поганец, исковеркал. Со всем иначе могла бы она жить за добрым мужчиной. А в один из дней слышим – возня какая-то в подъезде. Выглянули, что такое? А это Борис умер. Полина тогда у дочери гостила на даче, с внучатами помогала. А тут вернулась, а он в прихожей висит. Аккурат напротив того самого зеркала. Врачи потом сказали, что он трое суток так провисел.

Похоронили его. Книжонки его Полина сразу выбросила. Стала одна жить. Да только стала она вся нездоровая какая-то. Будто он с собой и её жизнь забрал тоже. Обнаружили у неё неизлечимую болезнь на последней стадии. И не стало Полины. А Верочка квартиру сдавать начала. Только никто в ней надолго не задерживался. Месяца два и съезжали люди. Мы и не понимали почему. Квартира-то вроде ухоженная, чистенькая. Полина чистоплотной была, до самого конца в порядке дом содержала.

А однажды Верочка и проболталась нам, что чертовщина какая-то творится в квартире. Жаловались жильцы на шаги, на чьё-то присутствие, на необъяснимый страх, со здоровьем у людей проблемы начинались. Я ей и посоветовала квартиру освятить. Да она неверующая, отмахнулась только. Привела какого-то экстрасенса. Тот со свечами походил, проволокой какой-то повертел, и вот что ей сказал:

– У вас, – говорит, – Канал тут открыт. Есть в квартире проход в иной мир. А появился он потому, что тот, кто тут жил духов вызывал. А с этим шутки плохи. Они его и в петлю заманили в конце концов.

– И что же делать? – спросила Лера.

– Да этот экстрасенс обещал ей почистить квартиру. Но после того пропал с концом! Вот как. То ли уехал, то ли передумал, то ли... Случилось с ним чего. Но только больше

он трубку от Верочки не брал. А она и оставила это дело, мол, ерунда это всё. Выдумывают жильцы.

А я-то сама вот что думаю, деточка. Борис три дня перед зеркалом провисел, как раз столько дней душа рядом с телом находится, а после уходит на мытарства. А ведь зеркало не занавешено было. Туда и попала душа его. Тем более самоубийца он был, не отпевали его в церкви-то. В том зеркале, Лерочка, и есть проход. Через него лезет в наш мир всякая нечисть.

– Я туда даже заходить теперь боюсь, – сказала Лера, – Мне бы хоть вещи забрать свои...

– Пойдём, милая, вместе, я кой-чего придумала, – ответила старушка, – И деда с собой возьмём.

Все трое осторожно вошли в пустую квартиру. Бабушка велела деду снять с двери старое зеркало, а сама начала читать молитвы. Зеркало не поддавалось, кое-как дедушка смог его снять, и все трое увидели, что на двери под зеркалом нарисованы были какие-то символы.

– Вот ить нехристь, – прошептала старушка и усерднее принялась читать молитву, – Идёмте-ка во двор, дед, бери зеркало с собой.

Выйдя во двор они отнесли зеркало к мусорным ящикам, и старушка достала банку с водой.

– Что это? -спросила Лера.

– Крещенская вода.

Едва первые брызги долетели до зеркала, как вся его поверхность покрылась паутиной трещин, а когда весь поток воды пролился на него – оно разлетелось вдребезги с шипением, и чёрный дымок вылетел из него вверх.

Лера не могла поверить в то, что происходило. Никогда в жизни ещё не приходилось ей сталкиваться с подобным. Но, тем не менее, всё происходило наяву.

– Завтра же перееду, – сказала Лера, – Поживу пока у подруги, а там найду что-нибудь.

– Лера, – попросила старушка, – Давай мы довершим начатое? Помоги мне. Позовём батюшку и освятим квартиру, чтобы никто больше не страдал в ней. А то ведь Верочка не станет этого делать. Задержись всего на один денёк.

– Хорошо, – согласилась Лера.

На следующий день старушка привела священника, который освятил квартиру, Лера с Тишкой переехали на время к Дарье, а чуть позже нашли другое жильё, где ничего потустороннего, к счастью уже не происходило.

Страшная сказка

Когда ты был маленький, то свято верил в те сказки, которые рассказывала тебе перед сном мама или бабушка. Ты боялся страшного Кощея, Лешего или мертвеца. Но потом ты вырос...

Ты стал старше и герои быличек старенькой бабушки, верящей во всякую чушь, вызывали у тебя лишь снисходительный смех. Ты стал взрослым и умным, ты знал теперь, что бабайки не существует. Но в один из дней жизнь доказывает каждому из нас, что иной мир – вовсе не бабушкины сказки...

Артур давно уже не был ребёнком. Ему исполнилось двадцать лет, он учился на третьем курсе университета и встречался с первокурсницей Ириной. Ирина была яркой и эффектной брюнеткой, высокомерной и капризной, но Артуру это нравилось. Ведь в самом деле не собирался же он на ней жениться. Когда придёт время, он найдёт подходящую скромницу, а пока... Пока он молодой и огонь горит в его венах.

В начале июля, а точнее шестого числа, у Ирины был день рождения. И они с Артуром решили устроить в честь этого пикник на природе. Собралась небольшая компания

из восьми человек, пятеро парней и трое девушек. В назначенный день на двух машинах друзья отправились в лес. Место не было выбрано заранее, решили остановиться там, где душа ляжет. Впереди было два выходных и торопиться было некуда.

Отъехав от города на довольно приличное расстояние, ребята свернули на проселочную дорогу, едва заметную среди деревьев.

– Наверняка там впереди какая-нибудь заброшенная деревня, – отметил Марат, – Можно будет поставить палатки поблизости.

Проехав по грунтовке ещё около получаса, ребята действительно увидели перед собой домики, расположившиеся на берегу большого озера.

– Красиво тут, – отметила Миля, – Только мрачновато что ли как-то... Озеро такое тёмное, и дома тоже, чёрные совсем.

– Так дерево всегда чернеет с возрастом, – ответил Толик, – А этой деревушке лет наверное сто, посмотри какие дома несовременные.

– А на вид при этом вполне даже крепкие, странно, – пробормотала под нос Миля.

– Ой, да ничего странного, – протянула Ирина, – Вот ты во всём видишь какой-то скрытый смысл, Миля. Оставь хоть на сегодня свою интуицию или как ты там это называешь.

– Чувство, – ответила Миля.

– Ну, чувство. Этот мир просто мир, без всяких иных измерений и всей твоей прочей ерунды.

– Девочки, ну не ссорьтесь, – прервала их диалог Женя, – Не за этим же мы сюда приехали.

Машины остановились и ребята вышли осмотреться. В небольшой ложбине, похожей на блюдце, раскинулись горсткой дома, штук двадцать, не больше. Прямо перед домами темнело озеро, идеально круглое, спокойное и тихое. Оно казалось нарисованным на холсте вместе с этой деревенькой – безмолвное, странное и тёмное место.

– Нехорошее место, – отозвалась Миля.

– Отличное, самое подходящее для нашей вечеринки, правда, друзья? – поднял руки вверх Марат.

– Да-а-а! – ответили ему хором.

Миля пожала плечами и отошла в сторонку.

Через час уже были поставлены палатки, разведен огонь и дрова весело потрескивали в языках пламени.

– Хорошо, что мы захватили воду с собой, – отметил Игорь, вернувшийся с озера, – Эта совершенно не пригодна для питья. У неё такой тёмный цвет. Впервые такую воду вижу, будто краски чёрной подмешали.

Время летело быстро и весело. После шашлыка и горячительного друзья сидели у костра и болтали. Уже начинало

смеркаться.

– Исккупаться что ли, – предложил Витёк.

– Да ты что, темнеет уже, – возразили ребята, – Это озеро и так непонятное какое-то.

– Ага, может в нём и русалки водятся, – засмеялся Витёк, разогретый выпитым, – А что, было бы неплохо, я бы познакомился с парочкой красоток, а то вы тут по парам, а я один.

– Ну почему один, – подмигнула Женя, – У тебя Игорьь есть.

– Не, Игорёк не в моём вкусе, не обижайся, друг, – ответил Витёк, и направился к воде. Вскоре со стороны озера послышался плеск воды.

Прошло около получаса, когда друзья поняли, что уже несколько минут не слышат ни звука со стороны озера. Встревожившись, друзья уже хотели было пойти на поиски Виктора, как он появился из-за ближайших кустов.

– Ты где пропал? Уже стемнело совсем!

– Всё нормально, – ответил Витёк.

Ребята переглянулись, товарищ был какой-то не такой, как обычно.

– Ты что, и правда, с русалками там повстречался? – пошутили ребята.

Витёк как-то тревожно взглянул на них, но тут же заставил себя улыбнуться и присел к костру:

– Всё нормально, просто замёрз немного, вода холодная.

Девчонки засобирались в кусты по своим делам. К этому времени взошла полная бледная луна и осветила своим мертвенным светом озеро, в свете луны оно выглядело ещё более зловеще, и в то же время притягивало к себе неведомой силой.

Ирина как замороженная направилась к воде. Лунная дорожка серебрилась и дрожала рябью. Ирина наклонилась и взгляделась в своё отражение, но внезапно закричала страшным голосом.

На её крик сбежалась вся компания и только Витёк остался сидеть у костра, протягивая к огню руки.

– Ты чего орёшь, мы уж думали на тебя волки напали!

– Там, там, – трясущимися руками указывала Ирина на озеро, пятясь назад.

Ребята побежали к озеру – ничего необычного.

– Да что там?

– Там Витёк, в воде, – уже плакала от страха Ирина.

Друзья посмотрели на неё, как на сумасшедшую.

– Ирин, ты в своём уме? Витёк у костра сидит!

– Сами посмотрите, – трясая головой стояла на своём Ирина, – Я к воде наклонилась, а там, под водой, его лицо. И такое, такое... Мёртвое, как будто. Глаза открытые, но не живые.

Друзья переглянулись.

– Ирин, пойдём к костру.

– Не пойду я туда, там этот сидит. Непонятно кто. Это не Витёк.

У всех наступило замешательство, Ирина никогда ещё не была такой, как сейчас и друзья не знали что делать.

Тогда Артур предложил друзьям вернуться к костру, а сам остался со своей девушкой.

– Может прогуляемся? – предложил он имениннице.

– Давай, – нехотя согласилась Ирина, всё ещё сильно дрожа.

– Ты уверена, что тебе не показалось? Насчёт лица...

– Артур, я похожа на дуру? И вообще-то, я единственная из вас совершенно трезвая, ты забыл, что я не пью? Так что померещиться мне точно не могло!

– Да я к тому, что может быть этот лунный свет или тени от камыша сделали своё дело.

– Нет, я совершенно уверена, что видела под водой лицо Вити.

– Давай пройдемся до деревни и обратно, тут всего-то метров двести по дороге, ты успокоишься.

– Ну хорошо.

И молодые люди неспешно двинулись по дороге.

Артур и Ирина удалялись всё дальше от стоянки, где остались ребята. Грунтовая дорога, поросшая по обочинам полевыми травами и высоким репейником, в лунном свете казалась рекой, плавно несущих Артура и Ирину на своих водах

в неведомое. Всё ближе и ближе становились низенькие избушки, все они повернуты были окнами в их сторону и оттого казалось, что окна домов, как глаза, наблюдают за идущими к ним, поджидают, словно притаившийся зверь. Небольшой туман пополз-застелился рваными клочьями по земле, расплылся липкими желтоватыми лапами по траве.

– Всё таки Миля права, зря я над ней смеялась, – утирая нос и шмыгая, сказала Ирина, – Тут и правда странно. С рассветом уедем отсюда.

– Да ладно тебе, – рассмеялся Артур, – У нас впереди ещё два выходных, пятница на дворе. Мы приехали отмечать твой день рождения, а не киснуть. Да ведь ничего и не произошло в общем-то.

– Не произошло?! – вскинулась Ирина.

– Ну показалось тебе чего-то там в лунном свете, – поднял Артур ладони вверх, – С кем не бывает.

– Значит ты считаешь, что мне показалось? Хорошо! – Ирина обиженно отвернулась от Артура и замолчала.

– Да ладно тебе, – примирительно сказал Артур, – А давай лучше заглянем в одну избушку? Интересно же, что там. На вид они такие древние, и в то же время их словно вчера оставили. Как будто жители просто уехали на денёк.

– Никуда я не пойду, – решительно возразила Ирина, – Хватит мне и Витька! Ещё лазить по всяким заброшкам. И чего там искать? За столько лет там давно уже всё раста-

щили.

– Ирин, а представляешь, что если там кто-то ещё живёт?

– Кто?

– Ну мало ли, алкаши там какие-нибудь остались, или старики век доживать, – Артур пожал плечами.

– Насколько я успела заметить днём, тут даже нет столбов с проводами, значит нет ни связи, ни электричества. Ничего. Кто тут станет жить? Разве что черти какие, – хмыкнула девушка.

В придорожных кустах раздался смешок. Молодые люди отскочили в сторону и закричали. Тут же, словно нарисовавшись из тумана, посреди дороги возникла старушонка. Сухонькая и горбатая, она опиралась на посох, и хихикала тонким птичьим голоском, поглядывая на Артура и Ирину, прижавшихся друг к другу.

– Бабушка, – выдохнул парень, – Вы откуда здесь?

– Я-то живу тутося, – прохихикала старушонка, – А вот вы что забыли в наших краях?

– Да мы просто отдохнуть приехали, – ответил Артур, – А вы что, и правда тут живёте? Без всяких благ цивилизации?

– Как же без благ? – удивилась старушка, – Все блага тут есьь, изба, лес, озеро, да и гости иногда навевываются к нам, навроде вас.

Артур с Ириной переглянулись.

– И много вас тут, жителей? – спросила девушка.

– Хватает, – как-то хитро глянула старушка, – Да и новенькие прибавляются.

– Неужели к вам ещё переселяется кто-то?

– А то! У нас тут хорошо-о-о, – протянула старушонка, – А может и вы тоже останетесь?

Артур с Ириной затрясли головами.

– Артур, валим отсюда, она чокнутая по-моему. Какая нормальная бабка будет разгуливать за деревней ночью?

Старушонка всё так же стояла, покачиваясь, опираясь на свой посох, и внимательно глядя на них.

– Вы же хотели глянуть как мы живём? – спросила она, ткнув длинным корявым пальцем в грудь Артура.

Тот отшатнулся:

– Да не, мы так, это... Просто предположили, как тут вообще можно жить и всё.

– Ну так идёмте, я вам всё покажу, удовлетворите своё любопытство, – снова прохихикала старушонка скрипучим резким смехом, – Я вас с сёстрами своими познакомлю.

– Нет уж, спасибо, мы пойдём к друзьям, – резко ответила Ирина, и схватив Артура за руку, развернулась к старушонке спиной, – До свидания!

И тут старуха с необычайной прыткостью ловко подскочила к ребятам, и встала прямо перед ними:

– А у нас праздник сегодня в деревне, и гостей не приня-

то отпускать, да и неучтиво это с вашей стороны отказывать старушке.

– Не хотим мы на ваш праздник! – грубо ответила Ирина и хотела было, оттолкнув старуху с дороги, пройти мимо, да не тут-то было.

Та протянула к ним свои костлявые ручонки и зашептала что-то быстро-быстро.

Артур с Ириной почувствовали, как закружилась голова, и в глазах вдруг потемнело. Последнее, что они видели было лицо незнакомой девушки, удовлетворённо заглядывающей им в глаза и хихикающей.

– Что-то долго они не возвращаются, – обеспокоенно протянула Женя, вглядываясь на дорогу за деревьями, – И туман ещё начал подниматься.

– Это от озера туман идёт, – ответил Игорь.

– Может пойдём поищем их? Вдруг случилось чего? – предложила Миля.

– Да прям – случилось, – ухмыльнулся Марат, – Знаем мы, чего там у них может случиться. Не мешайте молодым. Эй, Витёк, а ты чего всё киснешь? Не надоело в молчанку играть? Давай по баночке?

Витёк всё так же продолжал сидеть молча у огня и греть

руки.

– Уже целый час так сидит, – сказал Толик, – Может грибов каких наелся там на озере?

Все засмеялись.

– Да отстаньте вы от человека, – сказал Игорь, – Это вы тут по парочкам, а мы с Витьком одинокие рыцари без дамы сердца, вот и затосковал парнишка. Ничего, мы ещё отыграемся перед вами, вот приедем в город, мы с Витьком таких красоток себе подцепим, обзавидуетесь!

– Зачем же в город для этого ехать? – раздался вдруг чей-то голос со стороны озера, и из-за кустов вышла к костру высокая стройная девушка с распущенными длинными волосами.

Все оцепенели. Никто не ожидал увидеть здесь кого-то кроме них, пожалуй, если бы из-за кустов вышел сейчас медведь, то ему удивились бы меньше, чем этой незнакомке.

Девушка повела крутым бедром, встала подбоченясь, оправила свой длинный сарафан, и улыбнулась:

– Что же вы сразу смолкли? Испугались что ли?

– Ну как бы да, – первым пришёл в себя Толик, – Неожиданно как-то.

– Может к костру пригласите? – вопросительно подняла бровь красавица.

– Конечно, проходи.

Огонёк промелькнул в глазах незнакомки. Ребята списали это на отблески пламени.

– Спасибо за приглашение!

Миля подозрительно смотрела на девушку, ей почему-то пришли на память бабушкины былички и слова о том, что нечисть не может войти в дом без приглашения. Но то дом, а тут природа... Может и к костру тоже требовалось приглашение?

Незнакомка, словно почуяв что-то, злобно зыркнула на Милю, а после одарила остальных широкой белозубой улыбкой.

– Какими же судьбами вы в наших краях?

– Отмечаем день рождения подруги, – оживился Игорь, подсаживаясь поближе к красавице, – Они ушли прогуляться с парнем, а мы вот тут их ждём, сидим, беседуем. Оста-
нешься с нами?

– Да я напротив пришла вас к себе звать, – ответила де-
вушка.

– Куда это? – не поняли ребята, – Вы что, тоже где-то ря-
дом отдыхаете?

– Можно и так сказать. У нас в деревне сегодня праздник, хочу пригласить вас к нам. У нас тут красавиц много, – сла-
доострастно взглянула она на Игоря, – Вы ведь хотели позна-
комиться с красавицами, верно?

Игорь смутился:

– Ну да.

– Так за чем же дело стало? Идёмте к нам на праздник.

Повеселимся.

– Куда это – к вам? – переспросила Женя.

– В деревню.

– В деревню?! – хором воскликнули все.

– А что такого?

– Мы думали она давно заброшена!

– Как оказалось – нет. Так вы идёте?

– Как зовут-то тебя, красавица? – оживился Игорь, уже явно готовый отправиться за незнакомкой куда угодно.

– Вероникой, – лукаво прищурившись, ответила девица.

– Ну что, ребята, идём? – спросил Игорь у остальных.

Те переглянулись между собой.

– Но у нас здесь все вещи, – ответила Миля.

– Ваши вещи никто не возьмёт, – ответила красавица, – Здесь только свои. А у нас не принято брать чужое.

– А Артур с Ириной? – спросила Женя.

– Ну они же ушли к деревне, вот и перехватим их по дороге, – предложил Игорь, – Нет, ну правда, а чего тут сидеть? Давайте повеселимся!

Толик и Марат поддержали Игоря. Витёк равнодушно продолжал смотреть на огонь.

Девчонки ревниво переглянулись.

– Они что, все на неё запали? – спросила тихонько Женя у Мили, – Ишь чего наши-то губы развесили, ты погляди. Не нравится мне такой расклад, не хочу я в эту деревню.

– Мне тоже не нравится всё это, – прошептала в ответ Миле, – Уезжать бы надо отсюда да поскорее, только эта наша сладкая парочка где-то запропастилась.

– Так идём? – поднялась девица, качнув бёдрами, и махнув рукой в сторону деревни.

– Идём, – поднялись с мест ребята.

Миле и Жене ничего не оставалось, как отправиться вслед за ними. Витёк так же, не говоря ни слова, встал и пошёл за всеми по дороге.

Ирина и Артур очнулись возле какой-то избушки. Было темно и холодно. Откуда-то со стороны слышались оживленные голоса. Спустя несколько секунд сознание напомнило о том, что было до.

– Артур, мы что, в деревне? – прошептала Ирина.

– Похоже на то, – ответил парень так же тихо, инстинктивно стараясь не привлечь внимания тех, кто так бурно обсуждал что-то за углом избушки.

– Где эта мерзкая старуха, интересно?

– Шут её знает, выбираться надо отсюда, и к нашим бежать, да уезжать отсюда поскорее.

– А я вам это сразу сказала, – горячо зашептала Ирина, – Как только Витька в этом озере увидела, а вы – «да тебе кажется», «ха-ха-ха»!

– Признаю, ты была права, – сказал Артур, – Здесь что-то неладное творится, чёртова деревня. Ну давай, поднимайся, попробуем проскользнуть мимо них.

Артур с Ириной поднялись на ноги и, осторожно ступая, прокрались к самому углу избушки. Выглянув, они увидели невообразимое.

Деревня ожила. В распахнутых окнах домишек ярко горел свет, повсюду было движение и суета. Но самое удивительное развернулось прямо перед их избушкой. Посреди улицы стояли, сидели и ходили всяческие существа: козлоногие, полуголые мужчины; некие то ли птицы, то ли кто – чёрные, словно вороны, лица их были человеческими; маленькие, пронырливые существа, похожие на гномов из сказки, однако с абсолютно недружелюбными лицами; всяческие твари, похожие на старые, корявые деревья, с тонкими сучковатыми руками-ветвями и множество другого сброда.

Однако даже не эта публика привела в ужас Ирину с Артуром, а несколько старух, стоящих обособленно от остальных. Среди них они узнали и ту, что встретила их на до-

роге. Старухи, сбрасывали с себя своё ветхое, чёрное тряпье, безумно хохоча и подпрыгивая в нетерпении, кувыркались через голову, и поднимаясь на ноги, становились уже вовсе и не старухами, а юными, прекрасными девами, стройными, длинноволосыми и с прелестными округлыми формами.

Ирина вытаращила глаза:

– Артур, мы точно это всё видим?! Может мы отравились чем-то и сейчас на самом-то деле лежим в больнице, а это всё видения?

– Я бы хотел в это верить, но сомневаюсь, – прошептал парень в ответ, – Куда ж мы попали-то...

Артур и Ирина, крадучись, пошли в сторону озера, что виднелось в стороне, туман начинал рассеиваться и на небе вновь засияла огромная луна, теперь она стала ярко-оранжевой, похожей на апельсин и ещё больше, чем была. Казалось, она заслонила собою пол неба.

Ребятам почти удалось незаметно пройти вдоль всех избушек, и они уже радовались скорому освобождению, как вдруг они увидели компанию, идущую по дороге по направлению к деревне и остолбенели.

Прямо им навстречу шли их друзья – Марат, Миля, Игорь, Женя, Толик – в сопровождении некой девицы, последним

ковылял Витёк, безучастно глядя под ноги.

– Артур, это что же? – вымолвила Ирина, – Это куда же они? Что за девица?

– Подозреваю, что одна из тех старух, – ответил Артур, – А вот зачем она ведёт сюда наших, мне куда более интереснее.

– Но что же нам теперь делать?

– Похоже мы остаёмся, – сказал Артур, – Просто делай вид, что всё в порядке.

И не успела Ирина опомниться, как её парень выпрыгнул на дорогу, таща Ирину за собой.

– Привет, честной народ! – улыбнулся он, – А куда это вы собрались?

Ребята остановились и Игорь радостно ответил:

– А нас вот Вероника пригласила на праздник в свою деревню!

– Ну я же говорил, что мы их встретим, – обернулся он к остальным, – Вот и наши Артур с именинницей!

Глаза Вероники снова сверкнули тем же огнём, что и там, у костра.

– Именины – это хорошо, – слащаво протянула она, – Родиться в ТАКОЙ день!

Она многозначительно подняла вверх палец и подмигну-

ла.

– А какой сегодня день? – спросили ребята.

– Разве вы не знаете? – удивилась девица, – Сегодня же Купальская ночь!

– А, это Иван Купала что ли? Ну слышали, – протянул Толик, – Ну а что в ней такого?

– Как что? – загорелась Вероника и глаза её вновь блеснули огнём, – Сегодня вся нечи..

Голос её вдруг резко оборвался, она запнулась и поправи-лась:

– Все нынче гуляют. Идёмте уже в деревню!

Артур с Ириной переглянулись и подмигнули остальным, те кивнули. По взмаху руки Артура молодые люди резко сорвались с места и побежали в обратную сторону. Только Витёк и Игорь остались стоять возле девицы. И тут вдруг случилось невероятное. Девица перекувыркнулась через голову и обернулась горбатой мерзкой старушонкой в развевающихся лохмотьях. В одно мгновение она взмыла в воздух и полетела за ребятами. Те застыли в ужасе посреди дороги. Старуха опустилась на дорогу перед ними и начала что-то бормотать. В глазах ребят потемнело...

Очнулись ребята на берегу чёрного озера. Все они сидели

под раскидистой старой ивой, а вокруг них прыгали и скакали всяческие твари, каких тут только не было. Девчонки закричали от ужаса. Парни вытаращили глаза, не веря увиденному. Среди тварей увидели друзья совершенно голых девиц, которые разводили на берегу костёр. Они хихикали, копошились, и что-то бормотали. Наконец огонь вспыхнул и с силой разгорелся. Языки пламени поднимались к небу до макушек деревьев.

Голые девицы схватились за руки и выстроились в хоровод, некоторые из нечисти тоже присоединились к ним, другие же остались охранять ребят, глядя на них своими маленькими злобными глазками. Девицы прыгали вокруг костра, всё ускоряя и ускоряя свой дьявольский хоровод. Они громко хохотали и изгибались, пламя почти касалось их груди, лизало их ноги, но они словно не замечали этого. Сколько времени длилась эта адская пляска, ребята уже и не понимали, они потеряли счёт времени.

Наконец ведьмы, а это были именно они, разомкнули руки и подскочили к ребятам. Двое ведьм схватили за руки Ирину и потащили прочь. Остальных же повели к костру.

– Эй, уберите свои руки! – кричала Женя.

Парни пытались драться, но сопротивление такой бесчисленной толпе нечисти было невозможно.

– Что же вы противитесь, глупенькие? – закричала одна

из девиц, – Оставайтесь с нами и будете жить вечно! У нас весело, поглядите-ка!

И она взвилась в воздух, подняв за собой сноп огненных искр.

– А мы не хотим! – закричали ребята.

Ведьмы расхохотались.

– А это уже не вам решать!

– А кому? – оторопели друзья.

– Королеве ночи!

– Что ещё за королева?...

– Скоро увидите! – ведьма подмигнула и скрылась за деревьями.

Прошло несколько минут и вот ведьмы вывели из леса Ирину. Её было не узнать. Девушка была абсолютно голой, стройное юное тело прикрывали лишь длинные чёрные волосы, спадающие волнами на тело, алые губы были приоткрыты, глаза блестели каким-то неземным огнём, и без того красивая, сейчас девушка стала просто великолепна, это был шедевр, сошедший с полотна великого мастера, идеал изящества и грации. Голова Ирины украшена была золотой короной с множеством переливающихся цветных камней, на запястьях и на лодыжках также сверкали массивные браслеты.

Нечисть загикала, засвистела, зашумела, затрясла рогами

и затопала копытами.

– Встречайте Королеву сегодняшней ночи! – провозгласили ведьмы.

Ирина обвела глазами собравшихся. Взгляд её был не тем, что прежде, а чужим и беспристрастным. Ведьмы усадили Ирину на высокий зелёный трон, перевитый берёзовыми ветвями, и началось празднование. Нечисть плясала и скакала, неистовствовала. Ухватив ребят за руки, ведьмы выволокли их к костру, и увлекли в свой безумный хоровод. Время застыло у этого тёмного озера, а нечисть всё не унималась. Ребята выбились из сил, дыхание прерывалось, в глазах плыла кроваво-красная пелена.

Наконец впереди, над лесом забрезжила, еле видимая полоска, розовая полоска рассвета. Луна побледнела и словно скукожилась, звёзды погасли, жёлтый туман вновь пополз с озера рваными клочьями. Нечисть бросила ребят на траву и подошла к трону.

Друзья лежали почти в беспамятстве, еле дыша.

– Мы умрём, да? – приоткрыв глаза, спросила Миля.

Никто не ответил ей.

– Королева, ночь подошла к концу, мы уходим до следующего года, пора! Какое же твоё решение? Ты отдаёшь их нам? – ведьмы махнули рукой на ребят лежащих на траве.

Ирина вновь обвела всех взглядом, сжимая что-то в руке.

– А если я не соглашусь?

– Тогда нам придётся избавиться от вас всех, включая и тебя, – засмеялись ведьмы, – Твоя ночь власти подошла к концу. С первыми лучами солнца ты уже не будешь королевой. Но если ты отдашь нам своих друзей, то мы отпустим тебя и ты сможешь вернуться домой!

Ирина улыбнулась и встала с трона.

– Я не торгую друзьями и теми, кого люблю, пошли прочь, проклятые!

Она подняла вверх руку и раскрыла ладонь, в ней блеснуло что-то крохотное. Артур сморщился – что-то знакомое было в той вещице, но голова раскалывалась, и он вновь уронил её на траву.

– Медальон, – внезапно вспомнил он, – Медальон, который Ирина всегда носила, не снимая.

Он был серебряный, округлой формы, а внутри него что-то лежало, мягко позвякивая, когда Ирина звонко смеялась, и плечи её подрагивали или когда она наклонялась к нему для поцелуя... Ирина никогда не говорила, что в нём. Иногда отшучивалась, что, мол, подарочек от бабки ведьмы, что-то вроде талисмана.

Ведьмы заволновались, поглядывая на Ирину, и не понимая, что она задумала, однако же нутром чувствуя опасность, исходящую от той маленькой вещицы в руке девушки.

В это время послышался глухой рокот, треск и шум. Ре-

бьята с трудом приподняли головы и увидели, что все дома, что были в деревне, встали над землёй на могучих, корявых лапах. С шумом вырывали они из земли свои ноги, освобождая их от комьев и камней и стряхивая с них траву. Расправляя лапы, поднимались они на вышину деревьев, и медленно, со скрипом, выходили на дорогу, ведущую к озеру.

Свет в окнах погас. Да и сами избышки сейчас выглядели вовсе не такими, как вчера. Крыши их провалились, двери и окна зияли пустыми чёрными провалами, стены, изъеденные жуком, покрылись мхом. Избушки, как горбатые, древние чудовища, вереницей шли к озеру и, покачиваясь, входили в воду, исчезая в её тёмной бездне. Казалось, у этого озера нет дна.

– Пора возвращаться! – закричали ведьмы, – Ночь на исходе! Ты отдаёшь нам этих людей?

Но Ирина дрожащими пальцами раскрыла медальон и дунула сквозь него в сторону нечисти. Лёгкий дымок поднялся над девушкой, сгущаясь, расплываясь и вдруг раздался гром посреди ясного, безоблачного неба и ветер пронёсся над поляной.

Ведьмы заверещали, кувыркнулись через головы, и обратились вновь в безобразных старух, а после бросились к Ирине, чтобы вырвать из рук её медальон. Но не тут-то было, сильный, внезапный порыв ветра сбил их с ног, подхватил,

завертел, и бросил оземь. Ничего не понимая и скуля, как побитые псы, ведьмы принялись бормотать свои заклинания.

Но в это время первые лучи солнца взошли над лесом, осветив верхушки сосен. Нечисть кинулась к озеру, спотыкаясь, и давя друг друга. Ведьмы злобно зарычали и, бросив последний, полный ненависти взгляд, на Ирину, поспешили к озеру. Вскоре последняя из ведьм скрылась под тёмными водами. И в ту же минуту выкатился на небо сияющий солнечный шар и запели птицы, возвещая новый день над миром.

Ирина, словно очнувшись от глубокого и тяжёлого сна, всхлипнула и кинулась к друзьям, лежащим без памяти на земле. Она шептала что-то на непонятном, незнакомом языке, и горячие слёзы её падали на измождённые лица ребят. И с каждым словом сила вливалась в их тела. Вот уже они открыли глаза, сделали глубокий вдох, огляделись и сели на траве. Ирина обнимала и целовала каждого. Утренний ветер трепал волосы ребят, и жизнь возвращалась к ним, торжествуя.

– И всё-таки, что было в том кулоне? – не отставал Артур от Ирины, когда они шли из института поздним осенним вечером.

– Я и правда не знаю, – засмеялась девушка, – Ты же спрашивал меня об этом уже сотню раз!

Они остановились под раскидистым клёном, с которого осыпались цветные листья, похожие на раскрытую ладонь.

– Этот медальон надела мне на шею моя бабушка, когда мне было лет десять, наверное. И сказала, мол, не снимай, однажды он спасёт тебе жизнь. Я, конечно, не поверила в это, думала, что это просто красивая сказка, но всё-таки носила медальон. А в тот день, на берегу озера, я просто... Как бы это тебе объяснить, Артур... Решила пойти ва-банк, так сказать, терять-то уже всё равно было нечего, и мне ничего другого не оставалось. Я сама поверила в то, что этот медальон нам поможет, это было единственное наше спасение. И всё получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.